

попаданец

Александр Забусов

ЛАБИРИНТ

ВОЙТИ В ТУ ЖЕ РЕКУ

Лабиринт

Александр Забусов

Лабиринт. Войти в ту же реку

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Забусов А. В.

Лабиринт. Войти в ту же реку / А. В. Забусов — «Издательство АСТ», 2019 — (Лабиринт)

ISBN 978-5-17-117651-8

Подполковник Каретников, сгоревший в вертолете в Сирии в 2017 году, силой старого заклятия вернулся в свое же тело. Эпоха брежневского застоя. Встреча с родными, которых давно «потерял», волшебство, приключения и любовь... Это лишь начало лабиринта, но не конец. Только конец «золотого брежневского правления» не за горами, вот и пришлось Михаилу сразу после окончания школы снова столкнуться с работой спецслужб. Командировки, погони, встречи с тем, чего, казалось, не может быть в СССР, – это то, с чем он встретится, бредя по лабиринту новой для него жизни.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117651-8

© Забусов А. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть 1. Перевёртыш[1]	6
Пролог. В настоящее время	7
Глава первая. Хорошее начало – половина дела	11
Глава вторая. Начинается новая жизнь	19
Глава третья. Старики – второй раз дети	30
Глава четвертая. С добрыми намерениями	33
Глава пятая. Тайно	42
Глава шестая. На основе того, что неизвестно, нельзя заключить, что этого нет	55
Глава седьмая. Или не берись, или доводи до конца	59
Глава восьмая. Иду, куда несут ноги	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александр Забусов
Лабиринт. Войти в ту же реку

© Александр Забусов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть 1. Перевёртыш¹

*...у лабиринта есть душа и тело.
Тело – это стены лабиринта, а душа – дорожки,
ведущие или не ведущие к центру.
Войти – значит, родиться, выйти – умереть.*

Милорад Павич. «Шляпа из рыбьей чешуи»

Многие из нас до сих пор ностальгируют по брежневским временам, вовсе не считая их «эпохой застоя». В чём причина этой ностальгии? За ответом на этот вопрос корреспондент «АиФ» отправился в деревню Брежнево Калужской области.

Более или менее приличная дорога заканчивается за 25 километров до деревни. Дальше наша машина скачет по бетонным плитам и преодолевает лужи, снизив скорость до 20–30 километров в час. Два раза в неделю по этой дороге точно так же скачет рейсовый автобус из райцентра. Раз в неделю приезжают почта, лавка с хлебом и коммерсанты с товаром: макароны, крупы, консервы да разная одежда – рейтузы, кофточки, носочки...

Застой – отстой? Чем была для страны эпоха «дорогого Леонида Ильича»?

Мы приезжаем в Брежнево как раз в «хлебный день», когда жители выходят к дороге встречать гостей. Жителей тут осталось всего 21 – из более чем 300, живших в советское время. Между тем кануло в Лету не только большое население. Раньше в Брежнево были колхоз, школа, детсад, дом культуры, куда даже кино привозили, медпункт и магазин. Сегодня от всей экономики и социальной сферы осталась только маленькая библиотека. Фельдшер приезжает по графику – пару раз в месяц. Школа и детсад превратились в руины, пустует здание ДК.

*Статья из газеты: Еженедельник «Аргументы и Факты». № 42. 15/10/2014
Виталий Цепляев. «...кому – “эпоха застоя”, а кому – лучшие годы»*

¹ В книге использованы отрывки из текстов песен: «Соловьиная роща» (авт. А. Поперечный); «Марш коммунистических бригад» (авт. В. Харитонов); «Восточная песня» (авт. О. Гаджикасимов); «Бал выпускников» (авт. Э. Ищенко); а также текст песни «Напрасные слова» (авт. Л. Рубальская) и отрывок стихотворения А. Забавиной «В преддверье марта».

Пролог. В настоящее время

Снег за окном шел крупными пушистыми комками, при безветрии они тихо ложились на землю, увеличивая и без того высокие сугробы. Сидя в теплом зале, было приятно смотреть в оконное стекло. Народу не много, рабочий день, а на часах четырнадцать сорок пять. Благодать! И пища сытная, вон мясо, прожаренное большим куском, с пюрешкой и зеленым горошком на плоской тарелке. И пиво вкусное, подано в высоком стакане. Всё, как он любит.

Деревенский гаштет со всеми атрибутами «земли Тюрингия». Тихая музыка не раздражала его. Откинувшись в кресле, закурил сигарету, сделав при этом добрый глоток пива. Из-за барной стойки легкой походкой вышла молодая женщина, по цвету волос натуральная блондинка. Они давно знакомы, зовут ее Ингрид. На лицо симпатяжка, только кость у бабенки широкая. Уже не раз почти в открытую предлагала ему встретиться в более интимной обстановке. Одинокая она. Чего этим бундесам нужно? Девка кровь с молоком, симпатичная, грудь третий номер, ну и все остальное как с картинки. Оно, конечно, ясно, что любовь к пиву и бытовая химия уничтожили у камрадов пару поколений. Но ведь не всех! Ведь не уродина она, чего они возле бильярдного стола трутся. Хотелось крикнуть молодым пузанам: «Смените ракурс настройки, не в ту сторону смотрите. И вообще ненормально это! Вам, козлам, вниманием бабенку приветить, усилить напор, и зуб даю, обязательно даст!» Нет, катают шары по сукну, гогочут как кони, как мужчины – полный ноль. Опустилась старая бабка Европа ниже плинтуса, если даже в деревне «голубизна» из всех щелей прет. Куда дальше катиться?

Наклонившись над столом, при этом демонстрируя полноту и гладкость кожи своей груди в широком вырезе розовой кофточки, поменяла пепельницу на столе. Томно спросила приятным грудным голосом:

– Генрих, чего еще желаешь?

Вот так! И что ему?.. Глянул на прелести немки. Ответил, что он всем доволен и ему ничего не нужно, разве что пусть еще пива принесет. Отстала, отошла. Бог знает, что о нем подумала? Может, к местному стаду двуногих баранов причислила? Пусть! У каждого свои проблемы, и их решает каждый по-своему. Вот так!.. Теперь немецкая лялька будет наблюдать, когда стакан у него опустеет полностью.

Потянулся от удовольствия, направил взгляд за окно. Сосновая ветка уткнулась в стекло под тяжестью снежной шапки. Вдруг во всю эту безмятежную идиллию влились совершенно ненужные звуки. Обернулся. Эй! Ты что это делаешь, ущербный?

Бородатый немец, имевший большой пивной живот, подойдя к японскому магнитофону, вывернул ручку громкости на полную мощность. Уши наполнились неприятным звуком, прерывистым и мерзким. Нет, это не музыка, это...

Каретников поднялся из-за стола, пошел на выход. Толстый урод сломал весь кайф. Выйдя на воздух, из кармана анорака достал пачку сигарет, прикурил от зажигалки, после затяжки выпустил изо рта струю дыма. Расслабился. Снова связной не пришел на встречу. Рядом слышал ненавязчивое старческое покашливание.

В трех шагах, прямо возле лап высокой сосны у окна гаштета, стоял потешный старик, одетый в старинный армяк, времен покорения Потёмкиным Крыма, в лаптях, на голову напаян треух. Явно не немец. На лице старика выделялись нос-картофелина и улыбка, заблудившаяся в седой растрепанной бороде. Действительно расслабился, ведь поклясться готов, минуту назад этого деда здесь не было.

Старичок промолвил, как ни странно, на чистом немецком языке:

– Герр Мюллер, я уж заждался вас.

Ошалело всмотрелся в лицо сморчка. Нет, ранее точно не встречал это чучело в лаптях.

– Чего?

– Я говорю, неувязочка вышла. Время, отпущенное вам в этой реальности, закончилось. Оказалось, что решение по вам принято на самом верху, – старик поднял в жесте указательный палец, потыкал им в пустоту над головой, как бы утверждая всю значимость лиц, принимавших решение о судьбе человека, который до этого времени ни сном ни духом не подозревал о подобных раскладах. Неожиданно перейдя на родной Каретникову язык, по-деревенски развязно изрек: – Ты извини, милоч, будем расставаться.

Что за фигня такая? Откуда он может его знать? Провал?

Старый перец прощальным жестом прикоснулся пальцами руки к краю треуха. Отвернувшись, сделал шаг прочь. Исчез прямо на глазах. Каретников в полнейшей прострации поттал головой. Что это было? Повернулся к дороге и тут же зафиксировал зрачок ствола, одетого в глушитель, смотревший ему в лоб. Серый, неприметный мужчинка негромко оповестил: «Shot!»

Хлопок и вспышка, толчок в грудь...

Каретников открыл глаза. Борттехник вертолета Алексей Шмелев толкал его в грудь, тормошил за плечо.

– Иван Василич, подлетаем!

Ровный шум двигателя воздушной машины «забивал» посторонние звуки. Встретившись взглядом с глазами капитана, постарался перекричать напевный рокот движков, спросил, не сразу въехав в то, что ему пытаются сказать:

– Что?

– Подлетаем, говорю!

– А! Ну да! – закивал головой.

Перевел дыхание. Ф-фух! Приснилось или привиделось. Не было зимы и старушки Европы. Не было и в помине гаштета и ожидания связника. Направленного на него ствола и вспышки выстрела тоже не было. Был всего лишь плохой сон. Да! Плохой сон.

Тыльной стороной ладони вытер обильные бисеринки пота со лба. Взгляд, брошенный на «попутчиков», окончательно выветрил наваждение увиденного, сон урывком, сморивший уставший организм.

Считай напротив него, на откидных сиденьях левого борта разместились два офицера, мужчина и женщина. Именно им он обязан был подвернувшейся оказии сократить расстояние по времени на своем маршруте.

Большая часть Сирии представляет собой пустыню, однако в районе Алеппо, где он «работал», местность своими видами сходна с Чечней. Куда ни взгляни, кругом довольно высокие горные кряжи, покрытые лесом, добавить сюда различного рода военные группировки оппозиции, а «воздушная дорога» сейчас для него была самым предпочтительным вариантом облегченного передвижения по провинции. Только все рассуждения о ценности жизни человека его специальности теряют смысл, если российское командование готовится к штурму городских кварталов Алеппо. Повезло! Эти офицеры были представителями штаба российского Центра примирения враждующих сторон в Сирии и летали с грузом продовольствия в один из административных округов страны. Парня он еще «до событий» видел в родном управлении. Судя по тому, что тот его тоже узнал, молодой офицер обладал тренированной памятью на лица, сразу вспомнил попавшего на глаза «сирийца», но виду не подал. Без посторонних смогли перебраться парой фраз.

Через полтора часа вертолет оторвался от земли, но в пяти километрах от населенного пункта резко сел. Плановый вылет разведки под видом гуманитарной операции вплел в канву мероприятия незапланированное отклонение от маршрута. На переброску «Ивана Васильевича» куратор дал разрешение.

Командир Ми-8, тридцатитрехлетний капитан Роман Качалов, отвернул машину к новому заданному району. В душе летчика тихо звякнул колокольчик предчувствия, но офицер погасил возникшее сомнение. Приказы выполняются, а не обсуждаются. Со времен войны в Афганистане существует кровью отработанное правило: каждый вылет Ми-8 должен быть прикрыт минимум парой Ми-24. Последнему проще ускользнуть даже от «Иглы», поскольку он оснащен системой ЭВУ, делающей невозможным его захват по инфракрасному излучению на дистанции более чем полтора километра. На «восьмерках» такой системы нет, однако командование постоянно посылает эти транспортные машины на задание без сопровождения. Что, ударных вертолетов не хватает? Командование на земле, скорее всего, полагается на авиационный комплекс индивидуальной защиты «Витебск», создающий вокруг вертолета электронный купол. Но на весь полет бортового запаса ППИ-2, как правило, не хватает. Отстреливать тепловые ловушки необходимо только в опасных местах. Однако где над горами, покрытыми «зеленкой», возьмутся эти безопасные места? То-то!

Качалов вспомнил, как еще «дома» один из старших товарищей, прошедших чеченскую кампанию, обмолвился, что порой единственной защитой от ракет являлся борт другого вертолета, прикрывавшего напарника. Вот тот товарищ однажды засек пуск ракеты по набитому людьми Ми-8 и чудом сумел за считанные секунды подставить под залп свой борт, где в кассетах было еще несколько не отстреленных ловушек. Тогда повезло лишь потому, что выстрелили по ним «Стрелой» – не такой «умной», как «Игла». Вот и выходит...

Голос штурмана вихрем ворвался в головные телефоны:

– Командир, ракета!..

Во время выстрела вертолет находился на высоте около двухсот метров. Снаряд угодил в правый двигатель воздушного судна, после чего вертолет загорелся и камнем свалился вниз.

Уже понимая, что это последний миг жизни, что жар пламени в отсеке не погаснет, что вряд ли свершится чудо и вертолет сможет удержаться от падения, Каретников вспомнил слова покойного уже деда. «Почувствуешь, смертный час приходит, ломай ладанку. В ней одной заключена для тебя возможность что-то в прожитой жизни исправить». Тогда, по молодости, подумал о странности старика, надевшего на шею внуку шнурок с кругляком медальона из светлого металла, с непонятным рисунком и рунами на нем. В создавшейся кутерьме, сунув руку за пазуху, зажал в кулаке крохотное кружало, что было сил сдавил его. На удивление, металл оказался хрупким. За секунду до гибели почувствовал, что всю жизнь носимый на теле кружок раздавлен в труху...

«Катастрофа» с вертолетом случилась над территорией, контролируемой боевиками так называемой «умеренной» сирийской вооруженной оппозиции, а по сути, бандформированием, которое ничем не отличается от террористов ИГИЛ или «Джехаб ан Нусры». Ну, разве только тем, что эту «умеренную» оппозицию поддерживают США и поставляют им оружие.

Спустя несколько часов сирийское информационное агентство STER распространило несколько видеозаписей с места крушения вертолета. На снятых кадрах хорошо заметен бортовой номер сбитого вертолета – RF-97787. В реестре российских воздушных судов этот бортовой номер закреплен за вертолетом Ми-8АМТШ, который приписан к новосибирскому аэропорту «Толмачево».

На трагическую новость, поступившую из Сирии, пояснением разродился и Кремль. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков высказался перед журналистами:

– Там разбился наш вертолёт, который осуществлял гуманитарную миссию и был сбит с земли. Те, кто был в вертолёте, погибли героически, пытались отвести машину, чтобы минимизировать жертвы на земле. В Кремле глубоко соболезнуют всем близким погибших военнослужащих. Это случилось 1 августа в провинции Идлиб. Винтокрылая машина возвращалась

на авиабазу «Хмеймим» после доставки гуманитарной помощи жителям города Алеппо. Пока известно лишь, что вертолет боевики обстреляли с земли. Но была ли это ракета переносного зенитного комплекса или очередь крупнокалиберного пулемета – пока неясно. Это установит комиссия, которая прибыла на место крушения...

Глава первая. Хорошее начало – половина дела

Все кончилось, или все для него только началось? И все же вот теперь стало непонятно, было ли все на самом деле?

Маленькая искорка в ночи, в бесконечности вселенной, несущаяся через мириады звездных скоплений, туманностей и пыльных космических бурь, не могла быть никем замечена. Неслась она с невероятной скоростью непонятно куда и... зачем.

Мысль... Мысль преобразовалась в вопрос: «Куда?», посылая сигнал-запрос в бесконечность. Ответом на запрос явилась не то подсказка, не то определение рамок возможного, доступного знания.

«Прошрое, настоящее, будущее соприкасаются, поэтому выход есть всегда. Ищи выход, подумай о доме, и тогда душа, скорее всего, вернётся в тело...»

В тело? В какое тело? Ведь он же...

Мысль помимо воли «оуклилась» подсказкой, «разродилась» воспоминанием. Дом! Отчий дом в тихом переулке, с высокими заборами, порослью кустов, тополей, вишневых деревьев и грецких орехов, листва которых в самое жаркое лето затеняет калитки и ворота, ведущие во дворы. Рука отца на его плече, улыбка мамы, дед ослабил и смотрит... Дед! Дед с сарказмом смотрит на него. Что?..

Картина видения резко меняется. Его несет в пространстве, заполненном необыкновенно ярким, но ласковым и не режущим глаза светом. Ощущение огромной радости и душевного подъема. В этом море света возникает светящийся же и еще более яркий коридор. Он летит по нему. Размытая светлая сущность с контурами фигуры человека прерывает полет. Все, что происходит в его сознании, кажется торжественным и неторопливым. И вроде бы как слышимый голос – торжественный и тоже неторопливый, вещает:

– Посмотрим и решим, что делать дальше.

Кажется, в самом сознании пошла картинка, оторванная от чего бы то ни было. Тот, перед кем он предстал, кто имел право распорядителя, кто властвовал в этом то ли крохотном, то ли бесконечном мире, показывал ему «мультики». А еще при том показе в сознание закралось ощущение пристального, изучающего взгляда, он будто голый под микроскопом. Но эти картинки-мультики... Отвлекся. Забыл про все на свете. Ему показывали этапы развития его же самого, его прошлое... И не только его. Еще перед сознанием проносились этапы развития страны, в которой он жил, вернее, того отрезка времени, в котором он жил.

Яркие красочные воспоминания шли чередой, сменяя друг друга. Вот он ребенок, счастливая мать держит его на руках. Вот он... Все виденное им проносилось с бешеной скоростью и все равно гнездились в сознание. Восприятие полное, захочешь, не отвлечешься. Внезапно в сознание ворвался посторонний звук, напомнивший ему звук сирены, заставивший оторваться от созерцания...

Что происходит? Показалось или на самом деле свет в помещении претерпел какие-то изменения? Услышал, кажется, не предназначенный для него разговор.

– Аврал!

– Что у вас?

– Контур переполнен. Кто-то совершил огромного объема вброс душ в систему.

– Разобрались?

– Нет, но уже разбираются. Необходимо повысить скорость сортировки. Заканчивай с этой элементарью, готовься к приему следующих. Сейчас подошлю оперативную бригаду исполнителей.

Он возмутился. Как заканчивай? Как же с ним? Куда подевалась торжественность момента? Почему-у?..

Между тем переговоры еще не завершились. Его «приемщик», как ни странно, уперся, сделал попытку пойти в отказ:

– У меня случай особый! Редко попадается такая душа.

– Сбрось его в «Серую зону», потом разберешься.

– В прошлый раз к «потом» вернулись только через триста лет. Забыли... А у этой души ко всему прочему еще и какой-то закрытый блок имеется, нужно время...

– Тогда частично сотри память и отправляй «в работу»!

– Эх!..

– Открываю шлюз. Принимай!

Его вырвали из «прослушки» непонятного разговора. Снова зал, скомканная торжественность обстановки, расплывчатый контур «организма», теперь уже понятного ему. «Работник приемки и распределения» собственной персоной. Почувствовал напор посторонней энергии с той стороны, откуда его сюда занесло. Этот поток, напирая, готов вот-вот, как воздушный шарик, вытолкнуть его прочь. В сознание закралось волнение. Что сейчас может случиться? Задал вопрос:

– Что дальше?

Пришел ответ, больше походивший на удаление назойливой мухи от стола с продуктами.

– Иди!

Напор усилился, не позволяя толком что-либо осознать, осмыслить, получить хоть какую конкретику в ситуации.

– Куда?

Жест, указывающий направление в сторону нового светового коридора, а в «спину» уже толкают.

– Иди!

Подчинился. Пошел. Нет, не так! Его пинком, силовым потоком выбросили в тоннель, похожий на «кишку» воздухопровода. Скорость! Если б было чем, орал благим матом, а так... только в своем сознании вопил:

– А-а-а-а!

Снова набранная скорость движения замедляется. Похожая на прежнюю, светящаяся сущность затормозила процесс движения. Показалось, попал в огромный зал, освещенный лимонным светом. Гигантский купол держится на огромной световой колонне. Сущность сидит на троне под этим световым балдахином. Страх нет. Да и откуда бы он взялся? В себя толком прийти не успел. А еще он точно знает, можно задать вопрос. Необходимо задать. Нужно успеть задать, пока «эти», ну, которые «за спиной» подпирают, которые в этой богадельне аврал устроили, не налетели.

Спросил по-военному прямолинейно, осознавая, что на него прежнего это не похоже:

– В чем заключается моя задача?

Ему ответили, судя по всему, тоже экономя час:

– Возможностью жить второй раз. Мы не можем вмешиваться в произошедшее с тобой. Задачу определишь для себя сам. Если выйдешь за рамки дозволенного, тебя поправят новым уроком.

– Но почему я?

– Узнаешь! Тебе пора.

Жест-направление. Поток света подхватил его, выбросил в ночь к звездам. Понес! Понес, и... темнота.

...Как через вату услышал давно подзабытый голос отца, узнал его мгновенно.

– Все живы?

Звуки шевеления где-то совсем рядом и... обеспокоенный голос матери.

– Миша!.. Миша, ответь! Что с тобой? Где болит? Миша!

Это мама кричит и тормозит его тело. Разлепил глаза. Точно. Мама! Молодая, красивая, его мама! Что происходит? Он сходит с ума? Так ведь умалишенным быть уже поздно, когда вертушка гробанулась, от пожара и взрыва от них всех мало чего осталось. А он, видишь ли?! Здесь! Вполне живой и здоровый.

– Миша!

Н-да! Точно, мама. Только все они в перевернутом положении находятся. Судя по всему, в их же машине. Что за?.. Но нужно успокоить мать и отца заодно.

– Все в порядке, ма! Со мной все в полном порядке. Батя, выбираться нужно. Не дай бог, бензин на раскаленный коллектор попадет. Так пыхнет, что костей не соберем!

– Витя! Чего разлегся? Открывай дверь! Вытаскивай нас.

Вот теперь точно в себя пришел. Какие на фиг глюки? Мудрено маман не воспринять, при ее-то манере поведения. Вечно командовала батей.

Выбрались из машины. Двадцать первая «Волга», цвета слоновой кости, с оленем на капоте, лежит крышей вниз на траве недалеко от дорожной обочины. Двигатель заглох, но видимых повреждений не наблюдается и бензин не сифонит. Вот умели же раньше машины делать! И «волжак» этот не хуже «мерина» глянется и ездит. А ведь все это в его жизни уже было!

Отвлёкся от ДТП, обернулся к дороге. К обочине парковалась вереница машин, а в скором времени от дороги к ним троим бежала многочисленная толпа людей. Сознательный народ, однако. Детей только зачем к месту аварии тащат? Никакого понятия о мерах безопасности нет... Блин! Родня. Каретников только мельком взглянул на картину возгласов, повсеместного кудяхтанья женщин и детских всхлипов. Особое внимание сейчас сосредоточил на себе родимом. Мало того, что одежда на нем несколько... гм, необычна и непривычна, так еще и его руки... Кисть явно тонкокостная. Запястье отнюдь не как у Геркулеса. А где мускулы, бицепсы, ну и остальное, нажитое непосильными тренировками в спортзале и работой «на природе»? Всего этого нет и в помине! Пацан! Это ж сколько ему лет сейчас? Четырнадцать? Пятнадцать? Нет. Больше. Семнадцать... Восемнадцатый год разменял, все потому, что бабанька настояла и его в школу попозже отдали.

– Витька! Ну, ты чего так зарулил?

Кряжистый дядька с короткой стрижкой волос на голове, седой, с удивительно знакомым Каретникову лицом и парой золотых зубов во рту, наехал на батю. Так это ж дядя Ваня! Вернее, дядей он приходится отцу, ну и Мишка кличет его именно так.

– Иван Прокопич, там на дороге колдобина была!.. Решил объехать, ну и...

Батя оправдывается, словно нашкодивший пацан, вот только на дядьку все его оправдания не действуют, душу не рвут и пожалеть не заставляют. Дядя Ваня калач тертый, хитрован и человек своеобразный, но ругать право имеет, сам за рулем, наверное, всю жизнь провел.

– Ага! А шел на скорости! А дорога после дождя!.. – к обоснованиям отцовского разгильдяйства дядька присовокупил несколько смачных словечек из арсенала «великого и могучего», но ненормативного лексикона. Мог бы и покруче выразиться, но детвора под боком.

Дальше он вспомнил все, что было потом...

Всем кагалом машину перевернули с крыши на колеса, вытолкали на дорогу. В этом процессе принимал участие и он. В грязи вывалились все как один. После того как отцов дядька с братьями, детально осмотрев «волжак» и придя к выводу, что боевой конь особо не помялся, кверху брюхом проскользив по донбасскому мокрому чернозему, настроение у всех поднялось. А чего «двадцать первой» – то сделается? У нее не тонкий металл, а натуральная броня. Жаль, что в свое время такую «тачку» монголам за здорово живешь «отдали», ей сносу нет.

...Это они всей многочисленной родней из Алмазнянской балки возвращаются. Пикник, шашлык и полевую кашу подпортил ливень. Пришлось резко собираться и отъезжать в город, иначе из балки можно потом и пару дней не выехать. Землю развезут хляби небесные. Опять же, чернозем что пластилин схватится, ну и трындец. Так что вовремя ноги унесли. Мужики, правда, выпить успели. Михаил этот момент помнил отчетливо. Благодатное время правления Леонида Ильича. Застой!.. Выпить за рулем не запрещено, только меру знай. Между прочим, алкоголиков в стране в каждом городе по пальцам одной руки пересчитать можно. Может, водка качественная была или культура питания не подводила?

О! Завелись. Поехали колонной. Батя за рулем на грязной машине. Мандраж у него еще не совсем прошел, руки слегка подрагивают. Мог бы и подменить отца, так ведь не скажешь, что машину он водит как профессиональный автогонщик. Батя последние волосы на своем черепе вырвет от смеха. Спросит, мол, мальчик, когда и где ты баранку крутить научился? Нет! Спалиться ему, что два пальца об асфальт. Пускай уж сам рулит, тем более до дома всего ничего проехать осталось.

Между тем, как мать, сидя рядом с отцом, по традиции понукала им, Каретников отвлекся, на удобном заднем диване глазел в окна. Он уже и не помнил города именно таким.

Через железнодорожный переезд дорога втянулась в частный сектор, по обеим сторонам заборами вставший за чертой тротуаров. Солнечный вечер после дождя пах влагой и еще чем-то особо знакомым. Зеленые листья ранней почти осени делали пейзаж неповторимо привлекательным. Но Каретников знал, что это внешняя сторона сложившейся картинки. По эту сторону, рядом с городской чертой денно и нощно пытит сажевый завод, и из его труб на жилые кварталы ветер частенько приносит облако сажи, оседающей буквально на все живое и неодушевленное. Лично он это осознал прошедшим летом. На своей шкуре прочувствовал. Захотелось дураку в жаркую ночь поспать в подсолнухах огорода. Бабуля, добрая душа, такую блажь разрешила любимому внуку, застелила раскладушку чистым бельем. Ну и... Н-да! Как же теперь жить-то? И самое интересное, зачем его опять в прежнюю жизнь выкинули?

Машина завернула в уличную «шхеру». На память пришло название. Улица Сажевая. Название не в бровь, а в глаз!.. Посчитал еще раз, дабы не обмануться. Это ему сейчас семнадцать с «копейками» лет. Весной очередной год разменял. Десятый класс. Ё-ё-о! Это что? В школу ходить придется? Же-есть! Как там его классного руководителя зовут? Мария Ароновна... Нет. Эта русский до восьмого класса вела. А сейчас физичка. Валентина... Отчество выветрилось. Вернее, мог ошибиться.

Отец завернул в до боли знакомый переулок. Вся вереница машин повернула за ним. У первого дома, их дома, машины выстроились как на строевом смотре. Богатый клан у Каретниковых, все семейства с машинами, и живут зажиточно, только все родичи по материнской линии... Захлопали двери, послышался говор и смех. Приехали.

У ворот дед с бабушкой. По виду, будто приготовились хлебом-солью гостей встречать. Дед сухощавый, жилистый, битый жизнью мужчина. Соседи и проходящий к нему проблемный люд за глаза кличут его ведьмаком или знахарем. Идиоты! Самый лучший дед на свете. Ему сейчас, дай бог памяти, где-то под семьдесят пять лет, а может и больше. Казачьего корня человек. Когда станицу сожгли, пацаном у Буденного воевал. Каретников знал трагедию дедовой семьи. Его отец с двумя старшими сыновьями за белых «встали». Как говорится, за царя и отечество, костями легли. А дед с еще одним братом к красным подались. Разошлись путями-дорожки, не собрать вместе разбитой вазы. Два осколка так и остались в родном государстве, даже своих деда с бабушкой разыскали...

Ай, ладно! Бабунюшка! Маленькая, полноватая старушка с зеленым цветом глаз, гораздо моложе своего супруга, ухоженная, с повязанной косынкой на голове, ласково смотрела на Михаила.

Пока народ тусовался перед воротами, подошел к бабане, обнял, нежно прижал к груди.

– Бабуленька! Как же я соскучился по тебе!

Ответила:

– Ты что, Мишаня? Утром виделись. Или случилось что?

Мать из-за спины Каретникова прояснила ситуацию:

– Случилось, мама! На машине перевернулись. Чуть не убил нас Витька!

– Заходите во двор. Чего здесь топтаться? – не поведя бровью, предложил дед. – Прокопич, давай команду, а то они до ночи здесь лаяться станут.

– Заходим! – напрягая голосовые связки, приказал дядя Ваня...

Сколько себя помнил, родной дом был хлебосольным для всех. Застолье расположили в увитой виноградной лозой огромной беседке, рядом с летней кухней. Стол ломился от бабкиной стряпни, домашних овощей и фруктов. Дед, «приняв на грудь» граненую стопку самогона, другого спиртного он не употреблял, ладонью похлопал по плечу стоявшего у длинной лавки Михаила, мотнув головой, сказал на ухо:

– Идем, пошепчемся.

Расположившись на лавке у самой калитки внутри двора, своим любимом месте препровождения, хитро подмигнув, спросил:

– Ну, как добрался, Мишаня?

Вопрос деда «как он добрался» поставил в ступор, что заставило собеседника рассмеяться. Заливистый смех Константина Платоновича привлек бабушку Наташу, та практически сразу материализовалась рядом с мужем и внуком.

– Вы чего тут уединились от всех?

Дотянувшись, потрепала рукой волосы на голове Каретникова. Вообще, его дед с бабкой странная парочка. Михаил ни разу в жизни не слышал, чтоб дед повысил голос на свою жену, но у выхода из дома, на гвозде, нарушающем интерьер, висит нагайка, настоящая казачья плетка, и бабка прекрасно знает, что повешена она именно для нее. Мол, ежели жена провинится, то пощады так просто не будет. Вот так! Самое интересное, что такой выверт дедового отношения к супруге воспринимается домашними вполне адекватно. Привыкли. Даже не замечают.

– Иди к гостям, бабка, – осадил проявление нежности к внуку «домашний тиран». – Нам с внуком побалакать нужно.

Оставшись наедине, дед, раскрыв ладонь, продемонстрировал до боли знакомый кругляк ладанки.

– Узнаешь?

Чего изворачиваться? Кивнул головой.

– Моя.

Дед хмыкнул.

– Теперь уже нет. Второго раза не будет.

Глядя в глаза Михаилу, Константин Платонович пояснил:

– Я этот науз давно для тебя приготовил и подозреваю, что на шею тебе надел его именно после сегодняшнего дня.

Каретников протянул руку, хотел забрать привычную вещь и повесить ее себе на грудь. Дед покачал головой. Убрал медальон в карман.

– Нет. Теперь сей оберег в огонь брошу.

– Дед, а пояснее выразаться можно?

– Отчего ж? Скажу и яснее. С каких пор уж и не знаю, но в нашем роду по наследству, от деда к внуку, передается возможность прожить не одну жизнь, а сразу две. Первую ты живешь как Бог на душу положит, а вот вторая у тебя запасная. Чтоб ошибки пребывания на этом свете исправить мог. У меня эта жизнь – вторая. Вижу, что и у тебя она с чистого листа с сего числа начинается.

- А вдруг...
- Ха-ха! Да ты в зеркало на себя глянь! Это ведь папку с мамкой обмануть сможешь, а я как глаза твои увидел, сразу понял, издалека вернулся. Где тебя смертушка достала? Когда?
- В Сирии. Летом две тысячи семнадцатого.
- Долгоньюю жизнь прожил! Я в августе сорок второго первый раз кости сложил.
- Ясно.
- Ну и какие мысли?
- Мысли? Никаких. В себя никак не приду.
- Знакомое чувство.
- Дед, ты ситуацию прояснить можешь?
- Постараюсь, если еще сам не понял...

Им двоим никто не мешал. Из-за дома слышались веселые возгласы подвыпившей родни, а из динамика магнитофона голос молодого Лещенко.

Из полей уносится печаль,
Из души уходит прочь тревога.
Впереди у жизни только да-аль,
Полная надежд людских дорога-а...

Разъезжаться по домам, несмотря на то что завтра понедельник, никто не собирався, у Каретниковых переночевать места всем хватит. Завтра по ранней поре все поднимутся и разъедутся кто куда, а сегодня можно не заморачиваться новой рабочей неделей.

– ...Когда ты родился в нашей семье, твоему старшему брату Сашке было уже шесть лет. Твоим родителям по жизни и одного ребенка хватало. Но я-то знал, на свет божий должен появиться тот, кому «наследство» передать обязан буду.

- А Сашке?
- Нет. Тут без вариантов.
- Почему?
- Человек признак иметь при всем должен. В «рубашке» рожденный имеет право на исправление ошибок прошлой жизни. Это как у бабочки. Сначала «куколка-кокон» – одна жизнь. Из кокона выбралась, обсохла, крылья расправила и полетела – вторая. Так вот, когда ты родился и я понял, что все сходится, взял твой волос, каплю крови твоей со своей смешал, с пальца ноготок срезал, расплавил металл и по технологии, переданной моим дедом, отлил науз.
- Чего сделал?
- Ну, сотворил оберег-ладанку, медальон для тебя. Называй его как хочешь. Я тебя сей премудрости потом обучу. Вот! Ну, а дальше оставалось только ждать.
- Чего ждать?
- Надеть на шею науз я мог только после того, как ты между жизнью и смертью окажешься. Хотя бы сознание потерять должен был. Когда машина перевернулась, сознание терял?
- Было дело.
- Вот я после вашего возвращения из балки, судя по всему, и надел оберег на твою шею.
- Зачем такие сложности? Раньше этого сделать никак нельзя было?
- Раньше нет. Небось знаешь, что меня ведьмаком кличут?
- Ну, знаю. Дураки потому что.
- Существует два известных способа, которые могут переместить человека во времени. –

Дед, ослабившись, под сумрачным отсветом фонаря посмотрел на внука, понимает ли то, о чем ведет рассказ. Воспринимает? Или относится ко всему, как к небылице. – Наиболее известный – это «кротовые норы» – небольшие туннели в пространстве, которые служат связующим звеном прошлого и настоящего. Но нора нестабильна, может закрыться быстрее, чем человек

успеет переступить её порог. Второй способ – это посещение мест на Земле, которые обладают определённой энергетикой. Более того, иногда люди даже не знают, как попасть в прошлое, но оказываются там случайно, посетив энергетически сильное место Земли. «Место силы». Третий способ «принадлежит» нашему роду. В свой смертный час, если ты успеваешь раскрошить науз, в прошлом повешенный на тело после потери сознания, то и вернешься обратно именно в тот час, когда тело не имеет сознания. Короче, ты вернулся в себя. Понял теперь?..

На дворе уже ночь. Голоса из-за дома не такие уж и громкие. Детвору женщины отправили на боковую. Во дворе, скорее всего, отец зажег фонари. Сентябрьское южное небо расцветилось звездами и их «рогатым пастухом». Дед с внуком продолжали беседу...

– Понял. Только почему мы?

– Ха-ха! Ответ кроется в прошлом, но я его не знаю. У нас... Гм! Понимаешь, по воле случая разрыв семейных связей в прошлом произошёл... Ну и многие знания, чего греха таить, и умения утерялись. Приходится на ощупь, словно по лабиринту блукать, свою родовую правду шукать. Авось чего нового о роде Каретниковых всплывет. Так что воспринимай случившееся как должное. Я вот, когда «вернулся», людей лечить стал. Чем ты займешься, решай сам.

– Ага! Других излечиваешь, а бабулю проморгал.

– А вот отсюда подробней!

– Точно не скажу, я тогда уже Афган «топтал», но уйдет она от нас в восемьдесят шестом. Мать потом скажет, что заболела после чернобыльской аварии. Сгорела за полгода.

– Авария?

– Атомная электростанция под Киевом рванет. Так рванет, что никому мало не покажется.

– Так-так!

Дед призадумался. Хитрый взгляд пронзил Михаила. Задал вопрос по существу, уже касаясь себя:

– Ну, а мне сколько той жизни еще отпущено будет?

– Лет двадцать проживешь еще.

Обоих отвлекли шаги. К калитке подошла мать.

– Вы чего тут секретничаете? Папа, Мишке завтра в школу вставать рано. Десятый класс самый ответственный, школьный материал тяжелый. Пропустит что, не усвоит, придется репетитора нанимать. У него и так с немецким и химией проблемы. Не пора ли ему на боковую?

Каретников не смог удержать свой молодой организм от мальчишеского проявления ответа на сказанные матерью слова. Прыснул смехом, чуть в голос не заржал. Проблемы с немецким языком! Да он этот язык сейчас в совершенстве знает. Ему тюрингский диалект в одном хитром заведении специалист ставил. А еще, все, кто его знает, были бы удивлены, если б услышали из его уст беглую речь на арабском, да еще с неджийским диалектом. Проблемы! Ха-ха! И химию осилит. Мозги в черепной коробке школьника совсем не детские, на восприятие всего, что пригодится в жизни, заточены. А учиться он умеет.

– Чего улыбаешься? – спросила мама. – Вот посмотрю, какие оценки завтра из школы притащишь! Недоросль!

– Не бери в голову, ма! Все будет хорошо.

– Расходитесь, полуношники!

Дед кряхтя поднялся на ноги. Мишка и раньше понимал, что вот такие примочки с его стороны больше показуха для окружающих, чем всамделишные старческие стенания. На публику дед играет. В нем здоровья на молодого мужика еще хватит.

– Иди, Мишаня. Завтра покалякаем. – Сказал, как отрезал.

А и правда, пора спать. Сегодня у него был трудный день.

Дом у Каретниковых большой, со стороны на загляденье добротным и богатым смотрится. Комната Михаила «встретила» его знакомым запахом и внешним видом. Как будто и

не прошло сорока лет, когда он последний раз в нее входил. Огромный, во всю стену книжный стеллаж от пола до потолка. Кровать. Его кровать с панцирной сеткой, мягкой подушкой и легким одеялом. У окна в кадке комнатное растение, вьюн с мясистыми, продолговатыми листьями, белыми звездочками цветков, словно вылепленных из воска. Полстены оплел, зараза. Прет как на буфет. Если б не бабуля, давно бы снес этого монстра в летнюю кухню. Э-хе-хе! Ладно, пусть у него «проживает». Год еще потерпит, а там в военное училище съедет... Что? Опять в военное? На досуге нужно будет поразмышлять над будущим. ...Да! Под самое окно его стол поставлен с удобным, привычным стулом.

Потушил свет. Улегся. Долго не мог заснуть. Мысли, как пчелы, роились в голове. Вроде бы как сегодня он погиб под сирийским Алеппо, и вот он уже в родном доме, живой и здоровый. Мало того, ему восемнадцатый годок жизни идет и живы все, кто дорог его сердцу. Фантастика! Но она же и действительность.

Не заметил, как уснул.

Глава вторая. Начинается новая жизнь

Яркие краски видеоролика в один миг погасли. Как через вату, через сон в сознание всплыла знакомая мелодия с бравурными словами:

Мы рады вас приветствовать, товарищи ребята!
Конечно, если дома вы, а не ушли куда-то.
И просим вас немедленно оставить все дела:
«Радионяня» сегодня к вам пришла.
«Радионяня», «Радионяня» – есть такая передача!..

Эт-то что? Судя по всему, из приемника в одной из комнат дома слышалась давно забытая песенка. Ух ты-ы! Он уж и не предполагал, что помнил ее.

Голос бабули, прозвучавший со стороны кухни, заставил открыть глаза, сориентироваться в «новой» действительности.

– Мишутка! Вставай!

Глаза пробежали по корешкам книг на полках, по потолку. В окно заглядывало утреннее солнце. Это все явно не сон и не потусторонний мир. Святым Петром с ключами от ворот в рай или преисподнюю здесь и не пахло. Он жив. Он дома.

– Вставай, внучек! В школу опоздаешь!

В комнату «всплыла» бабушка Наташа. Улыбка на добром лице указывала на то, что будь ее воля, она дала бы любимому внуку отоспаться. Вот только жесткие указания невестки на сей счет не оставляли возможности сбиться таким устремлениям старушки.

– Бабунюшка! Доброе утро.

– Доброе. Завтрак стынет. Собирайся, весь народ давно разъехался. Я дверь прикрыла, чтоб сборы слышно не было. Хоть ты, мой котунчик, поспал больше других.

– Ага! Спасибо...

На бегу проглотил завтрак. Оделся. Помнится, свою форму любил и лелеял. Пиджак был теплым и удобным, с кармашками. В брюки-клевш запихнул подол белой рубахи. Подхватив еще с вечера собранный дипломат, чмокнув старушку в щеку, умотал со двора.

Оказавшись на улице, буквально нос к носу столкнулся со своим прежним закадычным другом, Серегой Вахрушевым. Еще не привык к своей новой-старой действительности, от встречи, «произошедшей через десятки лет», встал столбом.

– Здорово, Мишка! Ты чего зыришь, будто я привидение?

Взял себя под контроль.

– Привет! Задумался просто.

– Идем скорей, опаздываем.

– Ага...

К школьному скверу со всех сторон сбегались разного возраста дети. Само здание школы в три этажа выглядело массивной, стилизованной постройкой, разве что без вычурной лепнины, всем своим видом внушающей уважение стороннему человеку. Протиснувшись в дыру невысокого забора, оба оказались перед школьным футбольным полем. Каретников не очень вслушивался в суть речей друга, всю дорогу «грузившего» его своими проблемами, на ум приходили мысли о предстоящей учебе. Вспомнилось, как «правые» либералы и чиновники соответствующего министерства, выдумавшие ОГЭ и ЕГЭ, сотни никому не нужных отчетов учителей и видеоотчеты в инете, костерили учебный процесс в Советском Союзе, «выливая ведрами помой» на вся и всех этого времени. Мол, страна была с тоталитарным строем, режим строгим, а значит, и образование на низком уровне. Типа того, что тогдашнему правительству нужны

были глупые люди, ими управлять, мол, проще. Сами идиоты! Каретников от мысли такой в порыве чувств плюнул на землю. Нашли отговорку, бестолочи! Государству в принципе не нужны дураки. Дурака сложно увлечь идеями, он мыслит категориями «пожрать, выпить и в люлю». Ему сугубо пофиг любая неовещественная фантазия, вроде светлого будущего или мира во всем мире. И новому Российскому государству того времени, откуда он прибыл, дурак не нужен. Так уж выходит, что глупость пестуется развеселым ТВ, глянцевого прессой и среднестатистической эстрадой. То есть – чисто коммерческим сектором, который отчетливо осознает, что на дешевке можно быстрее заработать, а основной потребитель «умца-ца» – именно он родимый, дурак. А государство при капитализме просто вынуждено не вмешиваться, Конституция, понимаешь ли, не позволяет...

Вот она, настоящая встреча с юностью! Одноклассники и одноклассницы. Михаил уж и забывать их лица стал, а сейчас все так реально вернулось «на круги своя». Особенно девочки. Молоденькие, голенастые, высокие и мелкие. Вон, как та худышка с короткой стрижкой светлых, густых локонов на головке. Маринка Дегтярь. Рядом с ней ее подруга. Убей, имя и фамилия за прошедшие годы выветрились из памяти напрочь. А вот эту паву он помнит. Высокая, стройная, с породистой мордашкой, томным взглядом и не быстрыми, плавными движениями. Ленка Богданович. Он на второй парте, прямо за ней, на пару с Вовкой Редько сидит. Полнушек в классе почти и нет, разве что Надя Мурзаханова. Эта щекастенная, «розовый колобок». Смотри-ка, Люда Добрикова. Ее «грива» слегка выющихся каштановых волос, спадающая до самой попки, всегда бередила волнительные чувства. Гм! Да он, кажется, в них во всех был влюблен? Отчасти поэтому всю жизнь в холостяках проходил, не мог смириться с тем, что вокруг столько «красоты неписаной под боком ходит».

Как гром небесный, громко прозвучавший звонок на урок отвлек от воспоминаний. Первый урок был немецким. Дверь в класс распахнулась и вошла очень странная женщина. На вид ей было лет сорок. Лицо неухоженное, в разнообразных морщинах, с яркой помадой на губах. Чернявая. Волосы уложены вокруг головы в виде валика, из которого шпильки торчат. Чулки собрались гармошкой около коленок. Первое впечатление Каретникова: в класс вошла клоунесса. Да и имя у нее было какое-то странное – Генриетта Карловна! Класс затих. Михаил вспомнил, что это «чудо в перьях» побаивались все. Отчасти из-за крутого нрава, отчасти из-за неспособности толково выучить предмет. Теперь-то он понимал, что эта странноватая женщина просто одинока. В жизни у нее кроме школы и своего предмета толком ничего и нет. Кстати, свой предмет она глубоко любит, и самое главное для учеников, знает, как его преподавать глупым школярам. Вот только для одноклассников Каретникова увлечение изучением иностранного языка давно минуло. Кажется, в восьмом практически весь класс сдал экзамен по немецкому на хорошо и отлично, а потом спад и охлаждение, как казалось, к не совсем нужной дисциплине.

Учебный год только начинался, из светлых голов за лето выветрилось многое, в том числе и не слишком жалюемый предмет. С горем пополам урок начался. Когда очередь отвечать на вопросы дошла и до Михаила, усиленно работая мозгами, пытался «понизить градус» языкового знания ниже плинтуса. Коверкая слова, на манер гастарбайтеров таджиков при общении с начальством, все равно «показал» лучший в классе результат. Если и дальше так дело пойдет, спалится. Тоньше нужно работать. Осторожней. Сегодня он как по минному полю бредет.

Звонок на перемену. Благодатная музыка!

– Каретников!

Обернулся на голос. За спиной маячил Серега Шпика, самый крепкий и сильный парень их класса. Высокий, стройный и мускулистый, с симпатичным, мужественным профилем лица. Именно в него влюблены все девочки не только их класса, и самое главное, он прекрасно это знает. Знаниями не блещет, но и не в последних рядах по учебе. Держится на плаву. У Карет-

никова с ним не совсем «лады», два медведя в одной берлоге не уживаются. Скажем так, паритетные отношения на грани войны и мира.

– Чего тебе?

– Дай алгебру списать.

Михаил по алгебре дока, ему она дается легко, без напряжения, в отличие от русского языка. Круто! С чего это его главный недоброжелатель помощи просит? Брошенный взгляд «по секторам» дал информацию, что их двоих как бы оставили на индивидуальную «разборку». Только по какому это поводу? Он уже забыл, откуда у юношеской неприязни ноги растут. Нужно выкручиваться. Ответил нейтрально, но с элементом подкола:

– Ты рамсы не попутал, болезный?

– Чего-о? Мало тебе нашего прошлого разговора?..

О! Спасибо, натолкнул на яркую вспышку воспоминания о былом. Тогда Шпикин кулак хорошо так воткнулся ему в живот, заставив от резкой боли согнуться в три погибели.

– ...Короче, к Людке не подходи. Увижу...

– Да пошел ты лесом, Сереженька... – мило улыбаясь, назвал адрес назначения Каретников. Наверное, что-то сделал не так, лицо у одноклассника такое, будто удивлен и даже ошарашен нестандартным поведением товарища по общей борьбе за школьные знания. Сразу контраргументов найти не смог, выдал из себя:

– Ну-ну!..

...Школьная столовая напрягла. Навела на унылые мысли. Пахло в ней не вкусами, а чем-то кисловатым с примесью запаха залежалой старой половой тряпки. На стеллажах в тарелках выставлены холодные омлеты непрезентабельного вида, мутные кисели странного цвета и совершенно хлебные котлеты. О вкусовых качествах еды судить практически восприятием не решился. Вышел прочь.

Урок истории. Каретников выпал в осадок. В класс вошла она! Ольга Евгеньевна. Даже по прошествии стольких лет сердце в груди забилося пойманной в силки птицей. И воспринимал он историчку как королеву. Ей не больше двадцати семи лет. Может и меньше, но наносная строгость на лице, попытка этим прибавить возраст вызвала легкую улыбку на его лице, ведь за возрастной ширмой молодого организма в нем скрывался зрелый мужчина, могущий по достоинству оценить красоту именно женщины. Всегда ухоженная, в стильной одежде, волосы уложены в замысловатую прическу. На лицо, по его меркам, красавица. Золоченая оправка очков мало что не портила «фейс», она ей «шла». Фигура миниатюрная, с полным соответствием параметров... Приоткрытый в положенном месте бюст способен был заставить пускать слюнявые пузыри даже пресыщенного женским вниманием мужчину-перестарка. Э-хэ! Она замужем. И муж у нее кто-то из городской партийной элиты.

К самому предмету «история» Михаил относился ровно. Если конкретно, то на сам предмет ему было сугубо начхать, а вот на Ольгу... Н-да!

Стараясь быть суперсерьезной, «историчка» начала урок:

– На прошлом занятии мы разбирали тему о периоде перехода России к империализму. Хотелось бы понять, как усвоен материал. Кто нам расскажет о «переходе»?

Почему нет? Каретников не задумываясь поднял руку. Его «несбывшаяся любовь» подошла вплотную к его парте. Наверное, какой бы женщина ни была, она на чистом подсознании ощущает к себе отношение со стороны мужчины, хоть и не сложившегося до конца. По-видимому, тут как раз тот случай.

– Миша. Хочешь ответить?

– Да.

Поднялся из-за парты на ноги. Нос предательски «отпальцевал» приятный запах ее духов, в голове проявилось восторженное помутнение. С чего бы это он так кексует?

– Отвечай.

Из подкорки мозга на свет божий «выполз» совсем не юнец, а тот, другой, отмеривший по жизни полста годков. Появившись, этот индивид излагал текст ответа совсем не школьным языком:

– В конце XIX – начале XX века капитализм окончательно перерос в высшую и последнюю стадию своего развития – империализм. При нем максимально развивается концентрация производства, то есть производство сосредоточивается во всё более крупных предприятиях за счёт вытеснения и поглощения мелких предприятий. Капиталисты вступают в соглашения между собой относительно сбыта товаров. Происходит смена капиталистической свободной конкуренции господством монополий. Это даёт возможность устанавливать высокие цены на товары и получать сверхприбыли. Но, как писал Ленин, монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов...

Ольга свет Евгеньевна снизу вверх смотрела на высоченного десятиклассника, отвечавшего урок. Никак не ожидала легкой трактовки серьезного материала. Ей невдомек, что ученик в свое время на подобном материале «собаку съел», да еще и в высшем учебном заведении. Занятия по дисциплине «История партии» для Каретникова не прошли даром. Другое дело, сам фигурант ответа помимо воли устремлял предательский взгляд за отвороты модного платья на груди молодого преподавателя. Уставился туда, откуда чуть выныривали гладкие полushария женского бюста, покрытые нежной кожей. Чуть слюной не подавился, споткнувшись на слове. С усилием взял себя в руки.

– ...Ленин характеризовал империализм как загнивающий или паразитический капитализм. Господство монополий задерживает технический прогресс и увеличивает численность населения, занятого непроизводительным трудом или живущего на проценты с капитала.

– Достаточно. Садись, пять.

Показалось? Или во взгляде Ольги действительно проскочили лучики насмешливых чертенят? Да все она понимает! Уж что-что, а восхищение своей красотой любая женщина на раз распознать в состоянии. С высоты прожитых лет ему это доподлинно известно...

От низенькой и пухлой, уже преклонного возраста, учительницы математики Клавдии Петровны, проводившей уроки всегда в строгом сером костюме, «заработал» высказанное вслух неудовольствие:

– Каретников, с тобой все в порядке?

Молча пожал плечами.

– Ты сегодня сам на себя не похож. Что, выходной день так на успеваемость повлиял? Так я твои устремления к лени подстегну. Двойка за сегодняшнюю работу у доски.

Понятно! Для него алгебра сейчас, словно девственный мозг на чистом бумажном листе. Давно все забылось, а в учебник заглянуть не удосужился. Да и что бы он там с вечера рассмотреть успел? Ясно одно, придется грызть гранит науки!

А Клавдия молодец, баба кремень. Уважаю! Она и учила их всех не столько тому, что дважды два – четыре, или логарифмическим таблицам Брадиса, сколько прививала любовь к логике в математике и учила получать радость при нахождении правильных решений, заставляла не бояться исходной сложности формул и уравнений.

Народ в классе после математики смотрел на него с удивлением. Как же, он у Клавдии в любимчиках ходит, а тут такой пассаж. Ничего, первый блин комом! Физика прошла без каких-либо потрясений. Их классная дама, Валентина Игоревна, доводила новый материал, в котором она, кстати, и сама «плавала».

На физкультуре как бы невзначай рядом оказалась Людка Добрикова. Михаил озадаченно вздохнул. Дурища! В восьмом классе влюбилась в него и всячески выказывает ему свое отношение. Ясно же, что первая любовь у девки случилась. Только он и тогда, а тем более

теперь не нарушит первого чувства «грязными лапами». К тому же за сегодня понял, что не тянет его к великовозрастным деткам. Воспитание берет свое. Не педофил, и этим все сказано.

– Миша, – стараясь не произносить слова громко, заговорила Людмила. – Ты бы поосторожней со Шпикой. Мне тут шепнули, он чего-то после уроков замыслил.

– Спасибо за предупреждение, Людок. Я постараюсь решить все миром. Да! Только не нужно меня до дома провожать.

– Дурак!

Школьный стадион был оборудован для занятий на свежем воздухе, а не для выгула собак, как в городах «средней руки» двадцать первого века. За совместным бегом, прыжками в длину и совсем чуть-чуть игры в футбол промелькнули сорок пять минут урока. Теперь домой.

Каретников периферийным зрением отметил, что Шпика со своими «школьными адъютантами», Кузьминым и Пряхиным, собравшись быстрее других, покинули стадион. Ясно как божий день, «лидер» что-то надумал. Ну-ну! Флаг тебе, Сереженька, в руки и барабан на шею. Разберемся! Михаилу торопиться в общем-то некуда. Переодеваться не пошел, аккуратно сложив школьную форму и обувь в шитый бабулей по типу «сидора» мешок, распрощался с уходящими в раздевалку одноклассниками. Мимолетно поймал опасливо-боязливый взгляд чуть приотставшей от остальных Добриковой.

– Миша!..

Улыбнувшись, подмигнул.

– Иди уже. Все будет хорошо!

Протиснувшись через знакомую уже дыру в заборе, как и предполагал что-то похожее, «нарвался» на ожидавших его «товарищей». Смотри-ка, подготовиться успели! Скаля зубы в натянутых улыбках, все трое готовы вступить в драку. В руках у Кузьмина метровый дрын, очищенный от веток. Заметно, что в кулаке у Пряхина зажата свинчатка, он ее особо и не прячет. Только Шпика с «голыми руками», на силу свою надеется. Помнится, от этой троицы Каретникову перепало, но упертый характер и изворотливость выручали и тогда.

– Ну, чего встал? Ждешь, когда ребра считать начнем? – осклабился Шпика.

– Ребята, давайте жить дружно.

– Ага! Зассал, интеллигент долбаный! Фиг ты отсюда целым уйдешь!

Михаил вздохнул. Для него эти мальчишки ассоциировались с мелкими хулиганами, несмышлеными детьми с тараканами в голове. В них не было привычного беспредела современных деток, поколение восьмидесятых по сути своей жило достаточно счастливо. Тогда еще не было влияния телевидения и тем более Интернета, но и среди них были воры и хулиганы, были и ущербные люди, были и драки «двор-на-двор», «улица-на-улицу». Может, и не было свободы... гм, от всего, прежде всего от совести... Да, люди страны были закрыты железным занавесом от остальной части мира и не могли общаться с иностранцами. Да, те, кому положено по специфике профессии, запрещали слушать джазовую музыку и танцевать буги-вуги или читать запрещенных цензурой писателей. Хоть народу ввали газет про ужасы мира капитализма и про советское счастливое детство. И все же, абсолютно не пытаясь рисовать розовыми красками нынешние школьные годы, можно с уверенностью сказать, что сейчас было намного меньше пошлости и потребительского отношения к жизни. А само детство все же было счастливым. Даже вот хоть эта разборка, и та не похожа на подобные школьные «дела» молодежи будущего, где гурьба малолетних подонков до смерти лупит одного «отщепенца», чем-то отличающегося от общей массы, потом видео так называемого наказания выкладывается в Интернет на всеобщее обозрение и только лишь в ожидании положительных «лайков» со стороны таких же моральных уроков.

Вывалившийся из запястья дипломат кусками пластика грохнул о землю, своим шумом заставив вздрогнуть троих недотеп. Причинять «тяжкие телесные» даже не планировал, но

«поучить» стоило. Только первый шаг пусть делает противник, а то как-то не по-людски, чай не в стане врагов «работает»!

Сам Каретников давно приучил себя к тому, что всегда готов к бою психически, технически и физически, только бы молодое, нетренированное тело не подвело. Повел плечом, переминаясь с ноги на ногу, чуть отступил к дыре в заборе...

– Ты это куда намылился? – спросил, скривившись, Шпика.

Куда? ...Понял, что с ним все хорошо в смысле психики. Только вот физически, а уж тем более технически, он совершенно не готов к драке. Мало того, понял, что сейчас на первый план выходит преимущество «противника» в численном превосходстве. И если он от новых ощущений «не сошел с ума», то это их преимущество предстоит в максимальной мере ослабить. Вопрос! Каким образом? Место считай глухое, школяры через дыру косяком попрут минут через пятнадцать-двадцать, а до этого... Героем его никто не назначал, здесь не кино, чтоб бросаться грудью на амбразуру. Вон как Кузьмин в предчувствии развлечения поигрывает дрыном, в размахе прикладывая деревяшку о свою же ладонь. Выход один, как ни прискорбно, придется напаялить на себя личину дурака и труса, ради спасения собственной шкуры готового на временное унижение.

– Ребята... Парни... Мужики... Да вы что? – страх, даже ужас животный, в голосе и жестах. – Я же пошутил!..

Постарался занять наиболее выгодную позицию и просчитать миг нападения. Несколько секунд, пока «ребятишки» пытаются осознать смысл слов, привыкнуть к необычному, на их взгляд, неправильному поведению жертвы – визуальная оценка каждого.

– Как Бог свят, бес попутал! А так, я да-а!.. В первых рядах за вас!

Под словесный шум работа, работа, работа: глазами, ногами, корпусом. Вон обломок кирпича лежит... У куста кусок арматуры... Доска на заборе едва держится, одним движением оторвать можно...

– Сережа, ну ты скажи...

Ага, вожак опешил, можно сказать, не ожидал от Каретникова такого поведения. Сереня по сравнению с другими покруче будет, значит, и начинать с него. Пряхин трусоват, глазами по сторонам косит, пару раз озирается, с него, если что, и ложной атаки хватит. Кузьмин – здоровый ломоть, руки что грабли, но вял и неповоротлив. Только бы под удар дрыном не подставиться. Этот олигофрен ведь без царя в голове, лупанет со всей дури и куда придется. Ударит по темечку и привет, в лучшем случае заказывай инвалидное кресло. Мысли в голове мелькали мгновениями. Руки Михаила все время в движении, то затылок почешет, то нос теревит, а то и живот погладит. Какой артист в нем сгинул!

Шпика в себя пришел:

– Т-ты, чё-о! Б-баклан!

Двинулся к Михаилу. Остальные «подельники» расслабились. Пряхин гаденько лыбится, Кузьмин от удивления рот открыл. Вдох, выдох. Пора!.. На выдохе длинный звериный, парализующий всех крик и вместе с криком растопыренной пятерней, неожиданный, без замаха удар Шпике по глазам. Тут же ногой в промежность. Жалеть нельзя. Да пусть этот гусь лапчатый после такого вообще без потомства останется. Его проблемы! Тело отбросил в сторону. Рывок, подшаг к Пряхину. Схватил за грудки и каблуком по ступням, ребром подошвы по голени. Туфли ничем не хуже кастетов. Даже лучше. Рант советский, жесткий, подошва дубленая. О защите даже не думал, да и кричать не перестал. Пока кричит, они в ступоре, рыпнуться не в силах. Хотя Пряхин со своей свинчаткой уже не боец, от боли сам орет не слабее Каретникова. Периферийным зрением заметил замах дубиной. Сдвинув «мешок» в сторону, прикрывшись им, Кузьмин с размаху со всей силы врезал... по подставленной спине Пряхина, даже слышно, как что-то хрустнуло. Порядок, коррекция не требуется. Кувырок вперед, еще из лежачего положения левой ногой как кочергой подцепил лодыжку нижней конечности последнего здо-

рового противника, потянул на себя. Правой что было сил ударил в колено. Звериный вой, по-другому не назвать, огласил округу. Каретников, запыхавшись, поднялся на ноги. Осмотрелся. Словами подвел итог:

– Ну, как-то так.

Уже собравшись уходить, подобрав школьный дипломат, для проформы пнул стонавшего Кузьмина, в отличие от других, отделавшегося «легким испугом». Сначала почувствовал присутствие посторонних, а потом и заметил в зарослях акации учеников младших классов, наблюдавших за ситуацией с самого начала. Гаврики, скорей всего, прогуляли урок и втихаря курили за школьным забором. Улыбнувшись, поднес указательный палец к губам, жестом предлагая малолеткам не распространяться об увиденном происшествии. В ответ получил утвердительные кивки. Вот и ладушки!

Хорошенькое начало школьной жизни. Ничего не скажешь, в первый же день ощутил все прелести возраста. Хмыкнул. Вот попробуй после такого объяснить деткам двадцать первого века, что их сверстникам из этого времени все же было жить не в пример лучше и веселее. Что благодаря отсутствию такой необходимой вещи, как компьютер, мальчишки и девчонки, если не нужно идти в школу, утром уходили из дому и играли весь световой день. Что родители к таким гулькам относились «ровно». Даже при отсутствии тогда мобильных телефонов не слишком переживая за чадушек. Точно зная, что в худшем случае «ребенок» явится с синяком под глазом, выпачканный грязью или вываленный в снегу, но довольный и счастливый, прошедший еще один урок жизни. При этом детский суицид отсутствовал как класс. «Синий кит» в страшном сне не снился. На лишний килограмм собственного веса было по большому счету всем плевать с высокой колокольни, а о количестве съеденных калорий никто и слыхом не слыхивал. Любой родитель мог обеспечить семью всем необходимым, что нужно для нормальной жизни. Летом отправить детвору в пионерский лагерь, а после него еще и свозить семейство на море. Пусть «дикарями», пусть не в элитный санаторий для партноменклатуры, но на проезд и на съем жилья деньги находились.

А друзья? ...Среди этого поколения многие пронесли дружбу через всю жизнь. Через лихие девяностые. Через бурные двухтысячные. И невдомек детям новой эпохи, как так можно, что у их предков остался кто-то, с кем дружат еще со школы. У них все просто. Школу закончили и разбрелись, «welcome to new life!». В этом отношении еще воспитанники кадетских корпусов да суворовских училищ на плаву держатся. Все остальное «братство» порушилось, словно никогда его и не было вовсе.

Дети семидесятых – поколение, воспитанное в правильном русле, впитавшее в себя способность самостоятельно принять решение по любой проблеме, ради достижения поставленной цели способное рисковать многим. Но при этом беззаветно преданное своей стране. Так их воспитали. В детстве у них была свобода выбора, право на риск и неудачу, ответственность, и они, готовые к любым последствиям, каким-то образом просто научились пользоваться всем этим...

Дед, лишь только Михаил переступил черту двора, сразу определил, что в школе у него были проблемы. Лицом расплылся в хитрой улыбке, хмыкнул.

– Что, школьные хулиганы зубы показали?

– С чего так решил?

– У тебя рукав по шву надорван.

– Да-а?

Дернулся, провел рукой. А ведь точно.

– И что надумал?

Пожал плечами. Дед привычно уселся на лавку под раскидистой сливой, ладонью постучал по крашеной доске сидушки, мол, рядом садись.

– Я когда-то тоже как неприкаянный в «новой» жизни из стороны в сторону кидался. Хорошо, добрый человек нашелся, подсказал, как быть. Мой-то дед... Э-хе-хе! Н-да! А ты с первых минут хорошо держишься. Уважаю!

– Профессия обязывает.

– Ну да! Так вот, послушай старика. Говорят, каждый человек торит свою стезю по собственному разумению. Это верно. Однако верно и то, что разлад в теле и в душе ждет того человека, который, пусть даже следуя собственному разумению, но отступил от Пути Правды... Не только «переселение» сути твоей и души в молодое тело, но и наследуя кровь наших пращуров, мы наследуем все те знания и чувства, которыми владели они. По сути, мы являемся теми, кто были до нас нынешних. Нужно лишь вспомнить того, кто был до тебя нынешнего, решить, кем ты являешься на самом деле, чего хочешь, и какой стезей пойдешь по жизни. И истинно говорят знающие, что не учимся мы чему-либо, но лишь вспоминаем то, что всегда знали. Так что дерзай! С чего начнешь?

– Мудрено трактуешь. Но я тебя понял. – Подумав, ответил на вопрос: – Восстанавливаться нужно, гранит науки грызть, а то не поверишь, на некоторых предметах сижу дуб дубом. Самому противно. Да и организм подзапустил малость. Придется в центр города каждый день мотаться.

– В центр-то зачем?

– Там ДЮСШ есть. Насколько помню?! – вопросительно поглядел на старика.

– Х-ха! Тебе к Ваньке проще будет заглянуть.

– Ванька у нас кто?..

...Каретников не торопясь шагал в сторону проспекта Ленина, впитывая в себя новые впечатления прежней жизни. Да! Пожалуй, самым безоблачным, самым «золотым» временем за весь XX век для страны стали семидесятые годы. В это десятилетие не было войн, революций, голода, резкой смены политического курса. Новочеркасский расстрел, Карибский кризис, смена генсека, чехословацкие события, столкновения на острове Даманский – все это осталось в прошлом. «Афганистан» уже спланировали в «высоких кабинетах» советской высшей элиты, стали реализовывать, но до сознания обывателей он полной мерой пока не достучался. Брежнев хоть и дряхлый, но был вполне в своем уме. До разброда и шатания середины восьмидесятых считанные годы остались.

Оставив «школьный двор» по правую руку от себя, миновал пустырь и обогнул пятиэтажки. Душа пела от созерцания картины давно ушедшего детства. Одет сам отпадно. Ухохочешься. Но по нынешней моде совсем даже неплохо. Брюки клёш, высокие каблуки туфель, волосы – не под привычный ему ежик пострижены, рубашка – расцвет хард-рока. Где ее мать только прикупила? В общем, парень что надо!

По натопанной тропе пересек широкий газон, выскочил на тротуар и взбежал на отделанную искусственным камнем верхотуру площадки кинотеатра «Шахтер». Красивому зданию из стекла и бетона предстояло простоять еще десятка полтора лет, а потом превратиться в развалины. Кинотеатр «погибнет» не от снарядных разрывов и не от того, что военный борт вывалит на его крышу груз бомб. Не ракета своим точным попаданием прекратит его существование. Все намного банальнее. Пустоты от выработки угля под шахтерским городом были почти повсеместно, и строить «тяжелые» сооружения в таких местах не совсем эффективно. Градостроители не просчитали, не укрепили, не усилили мощными стяжками и дополнительной арматурой стены и сам фундамент, а еще, может быть, «налево» пустили кое-какой материал, и привет... А пока что чудный дом стоит на своем месте и радует глаз обывателя. Афиши перед ним пестрят плакатными картинками фильмов. «Безумный, безумный, безумный мир!», «Черный тюльпан», «Афоня». Ё-о-о! Как давно это было!

Вообще-то, ко всему прочему, это еще и время героизации мирного труда. Вошло в пору зрелости первое послевоенное поколение, забронзовели подвиги отцов. Советская идеологическая машина предложила молодежи битву за перевыполнение плана, социалистическое соревнование и битву за урожай. Причем Каретников хорошо помнил, за урожай предлагалось биться студентам, военным, инженерам, научным и творческим работникам, остальные и так упахивались трудом. Но колхозники с этого хоть «длинный» рубль имели, а вот остальные ограничивались ролью подсобников.

От билетных касс, стоявших «на отшибе» от кинотеатра, в отдельной пристройке к жилому зданию, доносился бравурный марш из динамиков:

Будет людям счастье –
Счастье на века.
У советской власти
Сила велика!..

А никто и не сомневается. Насчет ума были сомнения, а вот насчет силы... тут сомнений никаких нет.

Школа бокса располагалась за магазином «Белочка», в глубине квартала кирпичных пятиэтажек, рядом с детским садом. Неприметный на первый взгляд вход в старую постройку, выкрашенную в розовый колер, не сразу выпячивал из себя позицию государственного учреждения, но Каретников-то хорошо помнил, что собой представлял первый этаж этого дома. У входа топталась пара пареньков, на вид мальцов класса восьмого. Проходя, спросил:

– Чего менжуетесь, или мастака нет?

На вопрос явно старшего по возрасту один из парней ответил:

– Здесь он.

– Ну, так что?

– Говорят, злой сегодня. Может и в шею погнать.

– Поня-атно. Я все же попытаюсь пообщаться.

– Вольному воля...

Вошел. Первое впечатление, зал ему подходил полностью. Обширное помещение с высоким рингом в глубине. Место для разминки, подушки из кожи настенные, с потолка на канатах свисали боксерские мешки, боксерские груши, даже борцовский манекен имеется. Длинная труба, протянутая у дальней стены, заменяет турник. Судя по всему, в зале сейчас тренируется младшая группа. Пареньки под руководством кого-то из старших учеников или младшего тренера заканчивают разминку. К Михаилу подошел спортсмен в синем полушерстяном трико, молодой человек примерно его лет.

– Что-то хотел? – спокойно, без гонора спросил Каретникова.

– Да. Мне бы Ивана Степаныча увидеть.

Брови парня удивленно вскинулись вверх. Взгляд оценивающе прошелся по фигуре пришедшего. Поинтересовался:

– Боксер?

– Нет.

Кивнул головой, кажется, удовлетворенно успокоился. Посоветовал:

– Если дело терпит, то ты б лучше в другой раз к нему заглянул.

– Что так?

– Злой как черт. Наши вчера на соревнованиях плохой результат показали.

– Понятно. Но ничего. Как-нибудь с его настроением справлюсь.

– Ну-ну! – указал пальцем. – Вон дверь, видишь? Тебе туда. Проходи.

Кивнув, пошел в указанном направлении. За спиной послышалась команда:

– Разобрались по парам!..

Кабинет представлял собой мини-ленинскую комнату в армейской казарме, со всеми атрибутами пропаганды советского бокса. Плакаты, фотографии, грамоты развешаны по стенам. Десяток золоченых кубков, включая металлическую фигурку боксера на каменном постаменте серого цвета, расставлены на стеллаже под стеклом. За столом с минимумом бумаг, некоторые из которых имели мятый вид, сидел в деревянном кресле с подлокотниками крепкий бритоголовый мужчина с характерным для боксера профилем лица. Нос у мужика видно, что был сломан, а зажив, так и остался слегка свернут набок. Мутноватый взгляд «красных» глаз поднялся на вошедшего Михаила. Не спросил, рявкнул:

– Чего тебе?

Хорошее начало. Может, действительно не нужно было торопиться? Прошел к столу, встав столбом, вперил взгляд в глаза тренеру, по совместительству директору школы.

– Здравствуй, Иван Степанович.

– Ну, здравствуй, коли не шутишь. Кто таков и чего хочешь?

– Меня Михаилом зовут.

– Мне это о чем-то должно говорить?

– Да в общем-то нет. Объясню я сам. Я, Михаил Викторович Каретников, шестьдесят четвертого года рождения, ученик десятого класса, школы номер...

– Витькин сын, что ли?

– Да. И по совместительству ваш крестник, если не забыли.

– То-то смотрю, что-то знакомое в личности... Н-да! Не в отца, значит, пошел!

– Мне на ваши разборки сугубо облопотиться. Ну, дружили! Ну, разбежались! Бывает. А вот то, что вы мой крестный папа – значение имеет.

– Мамаша твоя, змея подколотная, Витьку в оборот взяла. С этим дружи, с этим не дружи... Вот и получилось.

Поднялся из-за стола, подошел к Каретникову.

– Чего ты хочешь? Или пришел боксом заняться? Так ведь поздновато.

– Я догадываюсь. Нет. Мне свою физическую форму подтянуть нужно. В военное училище поступать собрался, ну и... Спортзал у вас классный, если позволите, я похожу к вам, может, и научусь чему.

– Как на меня вышел?

– Дед подсказал.

– Да, старик у Витьки мудрый. Как он, кстати?

– Спасибо. Лет тридцать еще протянет без проблем.

– Старики народ крепкий... Так говоришь, боксу тебя учить не нужно?

– Да нет. Так, слегка по груше постучу и все.

– Ну, и когда ты хочешь заниматься?

– До обеда у меня занятия в школе. Значит, часов с трех, если можно?

– Договорились, крестник. Приходи, занимайся.

Поручкались на прощанье. Снова выйдя в зал, Каретников задержался, понаблюдал, как двое крепких парней в паре работают на ринге.

Вообще, советская школа бойцового рукомашества была всецело сформирована под любительский бокс, в нем свои правила, для победы по которым требуются отличные от профессионального навыки. В СССР социальная нагрузка на бокс не налагалась. Бокс не был средством заработка на хлеб. Вместо этого он брал на себя воспитательную функцию для молодежи как средство развития силы, храбрости, уверенности в себе, спортивного патриотизма, уважения к всеобщим морально-этическим принципам. Бокс опасный, тяжелый, но честный спорт, спортивные и общечеловеческие нормы поведения в котором сами по себе были поставлены на службу развития здоровой личности. Советский боксер – боец-универсал. В спортивном

бою он рационален в технике ударов, тактически разносторонен и умел. Особый конек – самобытность индивидуальных особенностей исполнения стандартных техник и приемов боксеров. Наши бойцы испокон веков были непредсказуемы и чрезвычайно неудобны для противников...

Глава третья. Старики – второй раз дети

Не думал, что «обновленный» внук так скоро «свалится на седую голову». И вот пожалуйста, Мишка «здесь»! Ему самому так не повезло. Когда он «переродился», его деда среди живых уже не было, а науз на шею не кровный родственник надел, а Бусов волхв. До всего своим умом доходить приходилось. Повезло, что время попроще было, что война многое списала. Сам внук поражал своей прагматичностью, отношением к жизни и многими знаниями о человеческой сущности и психологии. Быстро ориентировался в любой ситуации, подстраивался под незнакомый контент. «Профессия обязывает», видите ли. Тьфу! Что же это за профессия такая, чтоб людям так умело мозги вкручивать? О Мишкиных деяниях на почве акклиматизации в новой для него реалии ничего плохого сказать нельзя. Месяц прошел. Пашет как вол на каменистом лугу. С утра до ночи в делах. С утра школа, после обеда тренировка у боксеров. Лихо он Ваньку захомотал! Тот ведь упертый как баран. Если что-то решил, не переубедишь. Когда Мишку к нему направлял, сомневался, что общий язык найдут. Минька нашел... После спорта уроками «до посинения» занимался. И ведь не просто зубрил, до сути предмета доходил. Станный он, конечно, парень. Невестка вон в дневник заглянула, попыталась, как водится, разнос учинить. Мол, на тройки съехал, учителя жалуются. Раньше бы терпел, оправдывался. Теперь пресек нравоучения на корню:

– Ма, не бери в голову! Дай своему чадушку карт-бланш сроком в два месяца, а там сама увидишь, что дела лучше, чем ты желала.

Слово-то какое, карт-бланш! Самое интересное, без долгих споров уgomонилась. Если и заглядывает в дневник, то незаметно для других членов семьи. Витька, сын, тот вообще в Мишкины дела не лезет, работой занимается, под каблуком у жены сидит и доволен, что не слишком трогают. Ну, про бабку и говорить нечего. Если бы ее Мишенька закоренелым уркой был, и то бы нашла этому оправдание. И старшего внука любит, но мелкого особенно.

К слову сказать, за прошедший срок два мелких огреха случились. Первый – совсем простой. Невестка с сыном долго в себя прийти не могли. Поздно придя из гостей, несмотря на легкий хмелек, с удивлением таращились на сына своего младшенького, читающего издания периодической печати. Разложив вокруг себя газеты, сидя в зале прямо на полу, Мишка изучал статьи в прессе.

Оба родителя пулей выскочили из зала. Глаза горят как у сумасшедших.

– Батя, что это с ним? Раньше газету в руки взять не заставишь, а тут читает как приклеенный.

Что им скажешь?

– Растет дитяtko. Взрослеет.

Отбилcя. И родителей успокоил. Восприняли сказанное как аксиому.

Второй раз уже сам внук здорово напортачил. Прибежал из школы, ящик этот свой с ручкой, дипломат который, под стол бросил. Задумчивый такой. Спросил у него:

– Что случилось, Мишаня?

Махнул рукой. Глаза виноватые.

– Спалился, дед!

– Как?

– Немка наша, Генриетта Карловна, будь она неладна! Стою на перемене, в окно вылупися, никого не трогаю, весь такой в мечтах, а эта старая стерва подкралась и короткой фразой на «дойче» спросила, мол, о чем задумался. Вот я на чистом автомате и изъяснился с ней на том же языке. Типа, думы обуяли, осень на дворе золотая стоит. Скоро зима, а холода я не люблю. Вот так!

– Ну и что тут особенного?

Посмотрел, как на придурочного. Говорит:

– Дед, это тебе невдомек, а человеку, знающему какой-то иностранный язык, интересно поговорить с его носителем. Я ведь с ней не таджикский вариант применил, говорил на тюрингском наречии. Поверь, мне произношение умелец ставил.

– Ну и что теперь? Объяснился?

– Ага. Сказал, что родня по матери из поволжских немцев происходит.

– Ну и?..

– Сморщила лицо, будто килограммов пять переспевших слив слопала, потом с ехидной улыбочкой сделала вид, что поверила.

– А на самом деле?

– Хрен по всей морде! Она не дура. Не удивлюсь, если завтра кого из нас к «смежникам» на разборку потащат.

– Куда?

– В Комитет государственной безопасности...

Кажись, пронесло! Уж времени сколь минуло, а Мишкина немка молчит. О-хо-хо! Хоть бы друзей, что ли, завел, ведь даже по воскресеньям делом занят, как бирюк, все один да один, все спешит да спешит. Опоздать куда-то боится. Скрытный. Что там у него в мыслях, сейчас даже по лицу не угадаешь.

Захотелось старому глянуть, каким-таким спортом внук занимается. Не поленился, пошел к Ваньке.

– Как тут мой упражняется? – спросил.

– Ну, Константин Платоныч, вы мне и фрукта подсунули...

Попросил:

– Ты мне на эти его занятия хоть одним глазком посмотреть дай!

Дал посмотреть в неприметное оконце.

В спортзал Мишка прибежал уже в спортивной форме. Осень прохладная, а он в легкой футболке и тонких штанах, в кедах. Боксеры, те переодевались, выходили на общую разминку, он же в одиночку, лишь обувь переобул и на турник полез... Потом отжимания на кулаках в упоре лежа. Дед сначала счет вел, потом бросил. Мишка приседал на одной ноге, потом на другой. Переход из положения лежа в сед, без рук. Снова перекладина, теперь уже подъем переворотом. Чуть отдышался, к гире перешел. Раз двадцать ее милую рванул, да каждой рукой. Ребята в зале уже боксировали в парах. На ринге спарринговались парни постарше, а внук прыжки со скакалкой затеял, выкладывался. Чувствовалось, форму он уже поднабрал.

Старый очумело наблюдал за казалось совсем не нужными упражнениями. Внук вращал колени внутрь и наружу, потом, поставив ступни вместе, вращал колени влево-вправо. Снова невидаль, принялся тянуть сухожилия вправо и влево, вперед и назад. Затем растягивать мышцы голени в упоре руками о стену. Махи ногами, наружу и внутрь. Зачем так над собой издеваться? Вон парни мутузят друг дружку, мешки мочалют перчатками и все довольны...

Услышал сопение за спиной. Оглянулся. Ванька тоже глазел на Мишку. Наверно, пора заканчивать этот просмотр. Спросил:

– Ну что? Чайком угостишь гостя?

– Да, вы подождите. Сейчас самое интересное увидим. И кто его этому учил? Вы не в курсе?

– В курсе чего?

– Понятно. Смотрите.

Судя по всему, парням в зале и самим было интересно необычное рукомашество «единца». Будто подгадав специально, освободили для него один из мешков. Молча кивнув, тот занялся отработкой ударов по нему. Дед заметил, что Михаил натянул на руки старые

отцовы перчатки, почему-то обрезанные в районе пальцев на руках. Издали толком так и не рассмотрел.

На «многострадальный» боксерский мешок посыпалась серия ударов, удары в связках. Бил только руками, только ногами, ногами и руками. Иван вновь засопел и стал комментировать происходящее:

– Он ведь четко знает, куда и как ударить. Вот, прямой удар правым кулаком в корпус, крюк левым кулаком в голову и апперкот правым кулаком в солнечное сплетение... Сейчас прямой удар правой стопой в пах. По-восточному сработал – лоу кик левой стопой по бедру, удар правым коленом в живот. Боковой удар правой стопой в колено, прямой удар правым кулаком в предполагаемое лицо, захват за плечи обеими руками и удар левым коленом сбоку в подреберье. Кто его тренировал?

– Э-хе!..

– Имитация быстрого, внезапного перехода от защиты к контратаке... Рационально работает, не на эмоциях. Я сначала думал, в школе кто обидел, ну и пришел парень поднатыкаться «верхов», чтоб отомстить, кому-то морду «начистить»... Нет, здесь подход иной. У Михаила навык имеется, и удары ему мастер ставил. Не за один день, не за месяц и даже не за год нарабатывается такое. Ему считай семнадцать?

– В марте восемнадцать стукнет...

Отвлеклись. Стояли оба друг напротив друга, взглядами «бодались». Ванька первым нарушил молчание. Высказался:

– Вот-вот!.. Смотрел я, как каратисты занимаются. Вещь, запрещенная у нас в Союзе, хотя ничего особенного нет... А то, что ваш тут... – мотнул головой в сторону окна, – ... преподносит, ни в какие рамки не лезет. Боюсь, скоро накатают на меня «телегу» в органы. Мол, так-то и так, с моего попустительства... ну и так далее.

– Ваня, он с кем-нибудь спаррингуется?

– Пока нет. Но прецеденты имели место. Сами понимаете, народ молодой, насмотрятся, а потом хотят проверить себя в деле... Короче, пресек все на корню. Так ведь за порогом вольному воля.

– Не волнуйся. У Мишки голова на плечах имеется. На «дешевку» не клюнет, вывернется.

– Хотелось бы в это поверить, дядя Костя!

– А ты поверь, Ванюша. Я со своей стороны молодому политику партии объясню.

– И все же, у кого он учился?

– Не знаю. Помнится, лет пять назад Витька к кому-то водил. Только когда это было?!

– Значит, не скажете!

– Запомятовал...

Глава четвертая. С добрыми намерениями

Учеба в школе не напрягала, а вот общественная работа доставала его конкретно. Сбор макулатуры, стенгазета, конкурсы постановок, самые разные рейды и встречи с ветеранами в комплексе портили нервы и отнимали время. Прибавить к этому комсомольские собрания, и картина вставала в полный рост.

...Пришлось корректировать ранее распланированный день. То, что после последнего урока назначено собрание, стало известно перед уроком алгебры. Комитет комсомола потрянул весь класс не по-детски. В их классной организации почти ЧП. Опять Шпика отличился. Каретников, когда узнал тему сбора, чуть не захлебнулся смехом. Подумаешь, перецеловал пятерых девчонок из их класса и двоих из десятого «А». Тем более всё по обоюдному согласию. Он же не завуча школы склонял к сексу в учительской! Дело-то молодое, а эти придурки из юных коммунистов такой хай подняли. Уж Михаил, как никто, знал, что творилось в городских, областных и выше... комитетах комсомола. Секретари и водку жрали, и молодых комсомолок «портили», и... ничего, а тут волну на пустом месте подняли.

Как раз из «А» класса о произошедшем «наверх» и стукнули. Девки тупо не поделили парня, а подгадили всем. Серега, высокий, спортивно-подтянутый, даже слегка перекачанный, стоял «на лобном месте» у доски. От волнения покусывал верхнюю губу с едва пробивавшимся на ней темным пушком. Волосы на голове густые, чуть волнистые, давно не видели стрижки и спускались на плечи. Если прибавить ко всему этому, что он, по мнению школьной администрации, еще и чуть-чуть хулиган, то для девочек влюбиться в такого парня было вполне естественно. В старших классах любовь вовсю занимала умы и сердца всех без исключения девочек и мальчиков. А когда же ещё влюбляться и целоваться, как не в семнадцать лет?

Когда само разбирательство началось, класс загудел как разбуженный улей. Глупым было решение «старших товарищей» отдать на откуп комсомольцам класса все «представление». Тимоха Горностаев, стараясь перекричать других, выпалил вопрос:

– А пусть секретарь поименно назовет всех, с кем Шпика целовался!

Услышали предложение. Проняло. Любопытство шкалило всех. Класс затихарился.

Галка Евченко встала от такой прямолинейности в ступор. Привыкла, что наш паровоз, который вперед лети, то есть обсуждение вопроса, набирал обороты медленно и все по заготовленной «бумажке», а тут такое!.. Каретников, поднявшись из-за парты, проследовал к доске, встал рядом с «потухшим», чувствующим, чем «пахнет», Шпикой. Под звук напряженной, звенящей тишины произнес:

– А пусть подследственный сам назовет всех поименно.

Затравленный взгляд был ему ответом. Прорезался голос секретаря. Галка чуть ли не завизжала:

– Каретников, ну какой подследственный? Какой подследственный? Шпика – провинившийся комсомолец!

– Перед кем провинившийся?

– Перед всем комсомолом!

– Минуточку! Галочка, напомни, чем он там провинился?

– Своим аморальным поведением...

– Так значит, помощь товарищам это у нас аморально?

– Как? – удивление на беспомощном лице комсомольского лидера класса.

– Да все просто. Это Шпика молчит, никого подставлять не хочет, а нам с Самариным терять нечего. Мы и рассказать обо всем можем. Так, Игорь?

Игорь Самарин дебилом никогда не был. Был по жизни обычным «тормозом». Вот и сейчас, пока в себя от сказанного приходил, пока соображал, что к чему, Михаил перешел

в атаку. Он построил картину на основании подмеченных в течение не одного дня фактов и ситуаций, сторонним наблюдателем каковых был.

– Значит так, объясняю. Линка и Светка! То есть Мазур и Иванова...

Обе девушки сидели за одной партой с лицами цвета кумачового полотна.

– ...на сборе металлолома чуть не надорвались, тащили болванку. Тяжесть адская! Поверьте! Сергей им помог ее дотащить. Вот они его и отблагодарили. Одна в левую щеку поцеловала. Другая в правую. Это был дружеский поцелуй. Правда же, Игорек? Мы с тобой лично это видели. Скажи!

Самарин с тормоза снялся. Сам по себе он парень мелкий, метр с кепкой. Было дело, когда-то Каретников вступился за него перед мальчишками из соседнего класса. С тех пор Игорек готов был для него на многое.

– Мишка чистую правду сказал. Я видел!

– Вот!

Михаил толкнул Шпику в спину.

– Ты чего молчишь? Так было?

Проглотив комок воздуха в пересохшем горле, Шпика выдавил слово:

– Т-так.

– По первому эпизоду информацию прошу занести в протокол собрания. Дальше поехали!..

Своими примерами, ситуациями и умозаключениями Каретников свел дело к тому, что не известный никому доброжелатель своим оговором попытался подвести доброго комсомольца Шпику в лучшем случае под выговор с занесением. Кроме голословного заявления никакой конкретики начальство «вниз не слило». «А раз вы к нам с пустым брехом, то и мы к вам голым задом», как говорится!

Одноклассники с одобрением кивали головами.

Кириленко, член школьного комитета комсомола, подошел в класс только к «шапочному разбору», дернулся с голой грудью на амбразуру, но поделаться ничего не смог, класс объединился вокруг Каретникова и готов был стоять «насмёрть». Вот тогда «член» и «сдулся»...

Ребята помаленьку покидали класс, посмеиваясь, подкалывая шуточками виновника события. Торопились домой, вспомнив о неотложных делах, уроках, секциях и прочем. Настроение ни у кого не было испорчено. Шпика подошёл к Михаилу. Как-то по особенному отводя взгляд, тихо произнес:

– Спасибо!

Каретников кивнул. Отвернувшись, глазами нашел Самарина. Позвал:

– Игорек! Красава!

Поднял вверх большой палец. В ответ получил широкую улыбку на лице приятеля.

– Что-то ты долго сегодня? – посетовал дед.

– Комсомольское собрание было.

– В спортзал побежишь?

– Сегодня уже нет. Так. Во дворе разомнись и за уроки сяду. Кое-что подтянуть нужно.

Пообедав, уселся за учебники. Осенний день короток, не заметил, когда на улице стемнело. Дверь в его комнату закрывалась, не сразу обратил внимание на словесную перепалку под боком. Ага, значит, родоки с работы вернулись, опять мать батю из-за чего-то «строит». Что за женщина?! Характером вся в деда. Ей бы только покомандовать! На работе не накомандовалась. Пора выручать отца, пока пополам не распилила.

Войдя в зал, тут же напоролся на разнос от матери.

– Чтоб с сегодняшнего дня в темное время суток из дому ни ногой! Понял?

Вопросительно глянул на сидевшего в кресле отца.

– Не понял!

– Нина, не пори горячку. Объясни ему толком, – спокойно сказал отец.

– Толком? Да он, наверное, уже знает.

– Ничего я не знаю. Вы о чем?

Оказывается, батя с матерью вовсе и не ругались. Это неумная мама на повышенных тонах выражала негодование работой милиции. В городе два убийства, а менты не чешутся, урку разыскать не в состоянии. Дошло! Вспомнил! В городе появился маньяк, и орудовать он будет в течение семи лет. Пока что два убийства случилось. Но это в городе. Скольких этот гад за пределами города замочил, одному богу ведомо.

– Хорошо. Дома сидеть буду, – покладисто пообещал Михаил.

От греха подальше ретировался в свою комнату. Усевшись на кровать, призадумался, вспоминая занятие по курсу из «бурсы». Тогда ознакомительно им дали информацию о маньяках, промышлявших в стране. Для военной разведки дело несущественное, но ознакомиться с ним они были обязаны. Мало ли с чем в повседневной жизни столкнуться придется. «Головастик» – психолог в белом халате, войдя в класс их учебной группы, долго распинаясь, два часа «лил воду в решето». Если отбросить ненужную шелуху, то в остатке выходило следующее.

Понятие серийного убийцы появилось впервые в зарубежной криминалистике. Такой преступник совершает периодически убийства, перерывы между которыми в психиатрии называют «эмоциональным охлаждением». Маньяк испытывает некую зависимость, подобную наркотической или алкогольной. Он живет от убийства до убийства. Совершая преступление, нелюдь получает моральное и физическое удовлетворение, которых никак иначе он достигнуть не в силах. Затем он на некоторое время забывает о своих страшных потаенных фантазиях и ведет абсолютно нормальное открытое существование. Но позже приходит чувство опустошенности и требуется новая жертва. Преступник испытывает ощущения, подобные наркотической ломке. Избавить его от таких мук может лишь очередное убийство. Интервал между преступлениями имеет особенность уменьшаться с годами, а жестокость по отношению к жертвам – расти. Условно маньяков разделили на две категории. В первой – преступники изощренные, с высоким уровнем интеллекта, имеют как минимум одно высшее образование. Желание самоутвердиться приводит к тому, что в обычной жизни они делают карьеру, создают семьи. А в другом мире, скрытом от родственников и знакомых, реализуют свои жуткие потаенные желания. Ко второй категории можно отнести более примитивных личностей. Убивающих ради убийства. Но эти упыри совершают свои действия более хладнокровно. Обладая невысоким уровнем интеллекта и скудным душевным миром, они не мучаются и не страдают от совершенных ими деяний. Раздвоение личности – это не о них. Убийства совершают не столько ради удовлетворения противоестественных желаний, сколько потому, что в силу нравственной неполноценности не считают эти действия такими уж страшными.

Та-ак! А ведь про алмазьянского маньяка он ничего толком не знает. В школе учился, не до того было. В военном училище – дома только наездами присутствовал. Кажется, мать и предупреждала о такой беде в их области, да все как-то мимо ушей прошло. Почему он четко вспомнил о семи годах действий упырка? Ведь четко вспомнил! Не на пустом месте прорезалась ассоциативная память. Думай, голова! Думай! Вытаскивай крохи воспоминаний из приездов домой.

Когда время не торопило, не подгоняло с выполнением какой-либо задачи, Каретников имел привычку, расположившись вольно и расслабленно, при удобном положении тела, в уме разложить все по полочкам, а после, если дело с государственными секретами не связано, то и схемку действий набросать.

Многого из памяти о юности не выжать, но... Стоп-стоп-стоп! Семь лет...

Может, не озарение, подсказка свыше. Может, воспоминание, выплывшее из подсознания... Не так уж и часто он приезжал в отпуска. Семь лет... В памяти отложились именно эти

два слова, сказанные матерью. Когда он их слышал? Где? Почему только голос втемяшился в мозг, а не картинка при нем? Думай!.. Если взять сегодняшнее время, к нему приплюсовать семь лет, то... Но судя по тому, что два убийства уже произошли, значит, отбросить назад как минимум год... Когда он приблизительно сам был дома в расчетное время? Так-так-так...

Картинка как живая выплыла из подсознания.

Первый офицерский отпуск. Летний, теплый вечер. Уже в густых сумерках вернулся из центра города. На щеколду заперев дворовую калитку, мимо зеленой стены виноградных листьев прошел к порогу дома. Остановился. Огромный куст чайной розы у ступенек, своим запахом успокаивает, снимает напряжение, от избытка цветов даже дурманит разум. Потянувшись рукой, привлек цветочный бутон к носу, вдохнул аромат. Хотел войти в дом, но услышав голос матери, доносившийся из оплетенной виноградной лозой беседки, тихо двинулся к ней. Кто там с ней?

– ...ведь добропорядочный семьянин! Еще такой молодой! Высшее образование. Двое детей. Квартира, машина. Ну чего ему не хватало? Семь лет не могли изловить! А все потому, что милиция у нас мышей не ловит. Пораспускали животы, в кабинетах сидят, а маньяк спокойно по городу столько лет разгуливал! Сколько он у вас в учреждении проработал?

– Одиннадцать лет. – Голос отца.

– Вот! Это вы его в своем коллективе и вырастили. Распознать не смогли.

– Да как же?..

– Присмотреться нужно было!

– Распознаешь такого, как же! К асоциальным элементам не относился, был примерным семьянином, образцовым членом партии, народным дружинником, в конце концов. Он ведь, сукин сын, в качестве дружинника участвовал в поисках самого себя.

Ага, не ругаются, уже хорошо! Это они о ком? А, впрочем, какая теперь разница. Пойман маньяк, и слава богу! Тихо отошел прочь. Пора и на боковую...

С тех пор, как он попал в прошлое, как-то не очень задумывался над такой мелочью, «а что же дальше?». Ну, подкорректировал слегка свое пребывание здесь. И всё! Ой! Всё ли? «Идти» по накатанной? Зачем? Глобально менять будущее? Есть сомнение, но стоит подумать. Этот маньяк... Это для него вход в другой лабиринт, коррекция судьбы, можно сказать, начало совсем другой жизненной стези. К чему она приведет? Поздно уже, спать пора. Обо всем он подумает завтра.

На следующий день, вернувшись из школы, к удивлению деда и бабки, из дому никуда не пошел. Перелопатив чердак и кладовку, вытащил на свет божий все, какие нашел, газеты местного печатного органа, «Алмазьянские вести», за прошлый и нынешний год. Сидел в своей комнате и листал пожелтевшие страницы. Даже не расстроился, когда ничего о первом убийстве не нашел. Тайна следствия, мать ее так!

Ладно, придется по другому пути идти. Что он имеет...

Взбудораженный город бурлил, возмущался, негодовал, теряясь в догадках, фактах и измышлениях. По городу ползли самые невероятные, фантастические слухи, один страшнее другого. Для всеобщей тревоги и панического настроения были серьезные основания, в городе и даже по области зверствует кровожадный охотник на девочек и молодых женщин.

Опыт Каретникова подсказывал, что маньяку особенно бояться нечего и некого, знал, как медленно, неуклюже, лениво действуют в подобных случаях те, кто поставлен на стражу людей и правопорядка.

...В бабиной «конторе» он раза три был. Территория ювелирного завода не слишком большая. Работников человек четыреста. Это если включать в состав предприятия транспортный цех. Отбросим женщин. Минус шестьдесят процентов персонала. Мать говорила, «еще

такой молодой»... Молодыми она всех, кто моложе бати, считает. Значит, потенциальных фигурантов становится меньше. ...Семьянин. Двое детей. Убираем холостяков, бездетных. Тех, кто высшего образования не имеет. Да! Чуть не забыл! Он, кажется, в общественной дружине числится, сам на себя охоту ведет. Как там Карабас Барабас по такому случаю восторгался? «Ну, это же праздник какой-то!» Действительно праздник. Осталось всего ничего, каких-то процентов шесть. Не больше!

Откуда нитку потащим? Позвал:

– Де-ед!

Константин Платонович вошел в «логово» внука.

– Чего тебе?

– Не подскажешь, кто из ментов за привлечение народа в городскую общественную дружину отвечает?

– Из кого-о?

– Блин! Знаешь кого из милицейской верхушки?

– Ну, знаю.

– Кого?

– А тебе зачем?

– Ты как тот раввин, на вопрос вопросом отвечаешь. За надом! Так знаешь?

– Знаю. Василий Эрнестович Померанцев ко мне мужскую слабость лечить ходит.

– Импотент, что ли? И кем Эрнестович в ментуре окопался?

– Зам начальника милиции. Его и твой батька хорошо знает.

– Толку-то! – в раздумье побарабанил пальцами по столу, невесело изрек: – Батька, не я. Эх, годочков мне мало!

– Да что случилось-то!

Ладно, от деда скрываться нет смысла. Считай, он же его сюда и вытащил.

– Про маньяка слышал?

– Ха! Весь город гудит. Милиция вся на дыбы встала. Видать, областное начальство вздрючку дало. От Витьки знаю, что Билым происходящим в городе очен-но недоволен. Всеми карами грозит.

– Слушай, а кто такой Билым?

– Глупак! Начальство в твоём возрасте в лицо знать надо. Не такой уж и большой у нас город, всего-то двести тысяч населения. Билым – это первый секретарь горкома партии. Так что там с маньяком?

Рассказал все как есть. Ко всему прочему присовокупил выводы. Дед пошамкал ртом, хотя зубы у него были крепкие и здоровые. На лицо старика напозла тень сомнения. Поразмыслив, выдал фразу, от которой Каретников встал в ступор.

– Понимаешь ли, Мишаня... «Ювелирка» предприятие ведомственное. Я тебе и без Померанцева скажу, людей с него в дружину не привлекают. Витька говорит, что все же после Нового года из-за этих убийств припрягут и в дружинники, но не факт.

Казалось бы, прочную паучью нить срубили на корню. Облом! Да этот гаденыш до новогодних праздников, может, еще кого завалит! Михаил вспомнил, что на совести ублюдка в будущем под сорок загубленных душ было... Остается корячиться «от печки», то есть от порога завода.

Что делать? В отдел кадров не пойдешь. Само предприятие действительно режимное. Золото, серебро, «камешки» охрана стережет добросовестно. Это им на людей наплевать, а за государственное имущество будут жопу рвать на британский флаг! Когда отец пришел с работы, «подкатил» к нему.

– Па-а! Что-то давно я у тебя на работе не был. Хотелось бы посмотреть.

– Н-ну, ты сказанул! Зачем тебе это надо?

– Скоро школу закончу, а куда потом, еще не определился.
– Что тут определяться? Мать сказала, высшее образование получать нужно, значит институт.

– А профессия? Или без разницы?

– Профессия, это конечно... Так ты уже вон какой взрослый. На тебя пропуск выписывать надо, а это согласовывать придется.

– А у вас заводоуправление разве на закрытой территории находится?

– На открытой. Только сам завод ты точно не увидишь.

– А я склоняюсь к тому, что профессия управленца мне бы подошла.

– Кого?

Твою ж мать! Прокололся! В это время такая трактовка профессии отсутствует как класс. Хорошо про менеджера не ляпнул. Выкручивался бы потом.

– В смысле хотелось бы посмотреть на работу кадровиков.

– Что на нее смотреть? Рутинка. Работа для пенсионера. А уроки как же?

– Ты матери не говори, а остальное мои проблемы.

На закрытую территорию ему и не нужно. Двухэтажное, выстроенное из серого силикатного кирпича здание, украшенное подстриженным кустарником на подходе к двери фасадной части, утопало в пожелтевшей листве старых деревьев под окнами. Как вошли, сразу попросил отца провести в нужный кабинет. Выразив свое неудовольствие на лице, батя тем не менее просьбу исполнил.

О! Да тут цветник! Престарелый мужчина-начальник сидел в окружении двух десятков металлических сейфов армейского образца, выкрашенных в серый цвет, и пятерых симпатичных дам разного возраста, в промежутке от двадцати до сорока лет. «Боевой конь, постучав об пол копытом», с места в карьер ринулся запудривать и охмурять мозги добрым гражданам страны. Плюнул на внешность недоросля-переростка, на время забыл о своем возрасте, подключил мужское обаяние. Когда часа через два отец наконец-то вспомнил об отпрыске и зашел в «кадры», Михаил уже сидел в тесном окружении персонала отдела, пил чай с принесенным им же печеньем и травил байки. Действительно, обаял всех, включая начальника.

– Ну, что? Идем?

– Сейчас, па!

Поднявшийся на ноги начальник «кадра» увлек пришедшего в коридор.

– Виктор Константиныч, поделись опытом. Как такого парня воспитать смог?

– А в чем он от других отличен, Семен Израилевич?..

Когда Каретников, провожаемый всеми дамами прямо в коридор, на прощание улыбаясь махнул рукой, удивленный батяня услышал всеобщее пожелание:

– Миша, заходи к нам еще! Всегда рады будем!

...покачал головой. Кем вырастет, если уже сейчас бабы на грудь вешаться готовы?

Только на порог, а дед навстречу.

– Мишка, по твоему маньяку разузнал кое-что!

– Откуда?

– Померанцев приезжал. Я ему вопрос закинул. А когда понял, что милиции что-то известно стало, в гипноз ввел и всю информацию вытянул.

– Рассказывай!

А дело было так! В Канашине, городе этой же области, в ночь на тринадцатое ноября после вечерней смены домой возвращалась шестнадцатилетняя работница одной из фабрик. Молодой мужчина, по виду может быть чуть постарше тридцати лет, завел с ней разговор, узнал, что девушку зовут Надеждой, предложил ее сопроводить. Ночь, темно, страшно. А еще зарплату получила. Дуреха согласилась. Когда они оказались в районе новостройки, мужчина

затащил девчонку в ближайший подъезд недостроенного дома и, сопровождая свои действия угрозами, стал раздевать. Девушка отдала ему девяносто восемь рублей с тем, чтобы он отпустил ее. Изувер стал избивать ее ногами. Девушка кричала. Мужик достал нож и дважды ударил ее. Потерпевшая увернулась, и сталь клинка ножа причинила повреждения лишь одежде, каковая еще оставалась на теле.

Сопrotивляясь, Надежда ударила бандита ногой в живот. Он споткнулся о кучу мусора и упал. Воспользовавшись этим и темнотой, девица выскочила на улицу и забежала в подъезд расположенного напротив жилого дома. Жильцы укрыли ее, а затем проводили домой. Утром о случившемся она заявила в местное отделение милиции. Как всегда, милиция оказалась не в состоянии оперативно отреагировать на случившееся. Дело попытались спустить на тормозах, да вот только припомнили убийства в Алмазной.

– Что, и все о ней знаешь?

– Обижает! Ориентировка на столе у Померанцева побывала, а из подкорки даже то, что забыл, вытащить получилось. Только под этикие приметы в области можно мужиков тысяч сто посадить.

– Отлично. Вот и свидетель имеется.

– У тебя как?

– Все путем. Вы здесь как дети малые живете. С умом банк ограбишь, фиг кто разыщет! Ни видеокамер, ни электронных ловушек, толковой сигнализации и той не имеется! Я так понял, что на «гражданке» личные дела персонала не секретят, а значит, сейфы не печатаются. Дверные замки и те ногтем ковырнуть можно.

– Собираешься в заводууправлении пошуровать?

– Сначала отмычки сделаю.

– А сможешь?

– В той жизни учили...

* * *

...Галина мучительно страдала. Знала, что прошлая жизнь просто так не отпустит, и даже смерть не хочет принять ее в свои тенета. Многочисленная родня собралась у смертного одра, но лишь наблюдала за мучениями бабки Гали со стороны, отодвинувшись от кровати умирающей на приличное расстояние, естественно, насколько позволяла площадь комнаты. Детей вообще убрали к соседям.

Кося глазом на пасмурные лица родных, старуха через боль скривила в ухмылке губы. Ушлый народ! Хуторской. Прижимистый. Таких склонить к чему-либо непросто. А уж... Родичам не понаслышке известно, откуда ветер дует. Когда умирает человек, слывший в округе колдуньей, ни в коем случае нельзя принимать из его рук подарок. Умирающий же с удивительной настойчивостью пытается всучить любому подошедшему гостинец.

Казалось бы, что тут такого? Человек, уходя в мир иной, старается оставить о себе память... Но и самые близкие люди, как бы жалобно родич ни просил принять презент, никогда не возьмут из его рук даже конфету. Почему?

А потому, что смерть ведьмы, не сумевшей передать свой магический талант, страшна и мучительна. Душа несчастной словно не может освободиться от пут земных, привязывающих ее к телу, хотя уже подошло время. А передать «науку» можно, лишь лежа на смертном одре, сделав кому-то «подарок» во всех смыслах этого слова.

Народ, собравшийся в бабкиной хате, знал, как надлежало поступать. Обычно добровольцы или родственники разбирали угол крыши и пробивали дырку в потолке над головой умирающей. И тогда... будто бы некая недобрая сила с шумом и воем улетала вверх, а изму-

ченная умирающая, наконец, отдавала Богу душу. Если, конечно, Богу... Но всем наследникам жалко ломать добротный дом, вот и мучается Галина Петровна.

Взгляд старушки упал на правнука, обособленно стоявшего у окна. Колюня. Вон какую каланчей вымахал! Не глуп. Статен. На лицо приятен. Девки таких любят. Только ему бабка меньше всего хотела бы передать колдовское знание. Э-хэ-хэ! Мальчишка и так ущербен, с гнильцой в душе. Ей ли этого не увидеть. Родители не доглядели. Смотри-ка, как взор потупил... А взглянет исподтишка, так Галка видит, у него в глазах и без ее помощи зверь таится.

Как же больно-то! Ничего не попишешь. Напряглась. Преодолевая немощь, позвала:

– Колюня! Внучек! Присядь рядом.

Будто только и ждал от нее этого призыва. Уселся на не широкую кровать в ногах умирающей. Родня загомонила. Уже поняла, что сейчас произойдет. Но тут ничего не изменить, человек мог сам сделать иной выбор.

– Вот, прими от бабушки поминок... Пользуйся на благо, он твой.

На ладони протянула ключ от своего дома. Глазом зыркнула по собравшимся потомкам, помимо воли кривя рот в улыбке. А вот вам всем... а не наследство! Как говорится, последний привет от старухи.

Так что же это за таинственный дар такой, когда магические способности можно получить не долгим и упорным путем духовного созидания, а вот так сразу, не напрягаясь, через вот этот самый ключ от дома? В этом сложном мире ничего не дается бесплатно. Какова же цена вопроса?

А в самом деле, что он теряет? Вон бабка при любой власти жила, не тужила. Размышлял не долго, давно желал именно это самое... умение заполучить. Принял, окончательно сделав свой выбор.

– Х-ха!

Бабка удовлетворенно выдохнула воздух из легких. Мысли гончими охотниками пронеслись в мозгу. Перекачала их в сознание наследника: «Мы, люди, счастливые обладатели тела, куда помещены разум и душа, но мы не единственные носители разума, другие сущности, не имея тела, тоже хотят кусочек своего “места под солнцем”. Многим из них приходится скитаться по мирам. Вот и выходит, в обмен на тайную власть, ясновидение и силу нам приходится поступиться частичкой своего физического вместилища. Увы, срок жизни людей весьма невелик. Во всяком случае, в сравнении с потусторонними “партнерами”. Человек смертен. Когда приходит время расставаться со своим телом, требуется куда-то пристроить “напарника”. Но, по законам Вселенной, “наследник” должен принять дар добровольно».

Успела в голос дать напутствие, со стороны опять-таки двояко воспринятое другими родичами:

– Уж куда, в добро или во зло применишь подарок, только тебе решать!..

Старуха скончалась. Похоронив ее, родня разъехалась по разным местам, казалось забыв случай с наследством старухи. Ну, а сам наследник?

Николай вырос. Отслужил в армии. Закончил институт. Женился.

...Николай Скрипкин родился в 1949 году. После окончания школы и учебы в институте работал на ювелирном заводе, заместителем начальника транспортного цеха. Однажды теплым весенним днем его автомобиль притормозила четырнадцатилетняя девочка, которая спешила к матери на работу. Вот тут на свет божий из подкорки мозга выбрался, казалось, давно забытый бабкин подарок. «Подселенец». Сущность, умело действуя, взяла под контроль физическое вместилище человека, а также его разум. Колюня не очень-то и сопротивлялся. Скрипкин надругался над ней и убил, сохранив ценные вещи себе на память. Потом были другие жертвы, как молодые девчонки, так и дамы бальзаковского возраста. Общественность встала бы на уши, если б узнала, что на счету алмазнянского маньяка не двое убиенных, а гораздо

больше. И все эпизоды его деяний по разным городам «разбросаны». Вместе с пониманием того, что рано или поздно его могут поймать, все чаще его желанием было совершить убийство кого-то из мальчиков или молодых мужчин. «Нечисть» полностью разделяла желания «партнера». Поэтому Николай начал выбирать жертву планомерно. Каретников-младший даже не догадывался, что своим появлением в заводууправлении привлек к себе интерес маньяка.

Совершить задуманное Николаю мешал ряд факторов, которых в своей тайной жизни он придерживался всегда. Это только правоохранные органы считают, что он выходит на охоту, когда и куда ему в голову взбредет. Не привыкли к отлову «штучных» убийц, вот и тыкаются всюду, как слепые котята. Идиоты! Им невдомек, что время совершения нападения не является чем-то случайным. Выбор времени им определяется по двум критериям, временем суток нападения и периодичностью. Но они не связаны друг с другом и решаются по отдельности.

Он охотник. Время суток Николай выбирает, исходя из вероятности появления «дичи» в месте, подходящем для нападения. Что касается второго... На периодичность вылазки влияет уровень нереализованных потребностей, что в свою очередь зависит от погодных условий, времени года, фазы луны, режима работы. Да еще много от чего. Скоро придет зима и можно будет передохнуть от убийств. Но сначала ему нужно разделаться с сыном Виктора Константиновича. Лакомый кусочек дичины. Он снимет с него, еще живого, кожу. Нужно будет озаботиться непромокаемым мешком для трофея.

В полный рост встает вопрос. Как заманить мальчишку в нужное ему место? Полагаться на случай – абсурд! Стоило покорпеть над ситуацией, спланировать этот самый, счастливый случай. Какое-то время понаблюдал за старшим Каретниковым, в обеденный перерыв «случайно» оказался в столовой и за одним столиком с ним. Органической химией увлекался еще в школе, и это увлечение переросло в своеобразное хобби на бытовом уровне. Отравить попутчика в междугородном транспорте и со стороны наблюдать, как его организм в борьбе пытается сопротивляться, несколько не то, если физически приносить боль жертве, но тоже развлечение...

Глава пятая. Тайно

– Что-то ты зачастил к нам?! – не то вопрос, не то констатация факта.

Вохровец послепенсионного возраста, в потешной для Михаила форме с кобурой на пояском ремне, стоял на проходной «вертушке». Каретников с располагающей улыбкой на лице налег грудью на металл несложной конструкции из трубок, загораживающей основной проход.

– Дядь, дай пистоль в руках подержать.

Кивнул на большой кобур желтого цвета, к которому от ремня протянулась шлея.

– Еще чего! – возмутился «человек при исполнении».

– Тогда хоть покажи. Что у тебя там? ТТ?

Кивком головы проявляя интерес, еще и подмигнул старому служаке. Тот меж тем не повелся на подкол, но было видно, что обида вот-вот готова выплеснуться наружу. Кто его вечно за язык тащит? Ведь без очков видно, перед ним военпенс. Им по Земле мотаться приходится, в войнах, в неизвестных стране и ее людям конфликтах участвовать, а когда «выходят в тираж», еще при жизни становятся душами неприкаянными, мятущимися. После службы многие из них, как правило, год-два отдыхали на пенсии, а потом переселялись на кладбище. Этому повезло – «нашел себя».

– Иди уж!..

Каретникову пришлось еще раз побывать в гостях у кадровиков. «Девки» встретили доброжелательно, с улыбками на лицах.

– Срочно отца повидать нужно. Ну и к вам «на огонек» заглянул. Пустите?..

Потрепался с ними весь обеденный перерыв. Уже будучи в длинном коридоре с десятком дверей по обеим сторонам стен, подгадал момент, когда люди, прекратив перемещение, на какое-то время сделав коридор пустым и просторным, легкими, но быстрыми движениями ополовинили крохотную масленку на петли двери. В коробке со специальной мастикой давно умостилились оттиски ключей Семена Израилевича, начальника «кадров». Всего-то и нужно было Михаилу постоять у стола старого еврея, отлучиться в туалет и вернуть «взятое» на законное место.

Потянет!

Спускаясь со второго этажа здания, со стены лестничного пролета спер план эвакуации на случай пожара. Одним резким рывком выдрал рамку с рисунком из крашенной фисташковой краской стены, оставляя на прежнем месте лишь две маленькие дыры от гвоздей. Запихнул его под куртку, запахнув ее на груди и застегнув на все пуговицы.

Порядок! Вроде никто не видел. А кто увидит уже сами последствия «кражи», на первое время решит, что изъяли на переделку. Такое бывает.

За эту неделю школьные дела несколько запустились. На уроках больше отмалчивался, к доске не выходил, но чтоб не отставать от других, добросовестно слушал ответы вызываемых одноклассников. Под «неусыпным» взглядом деда долго провозился в гараже, но отмычки и дубликаты ключей сотворил. И даже их действие продемонстрировал Константину Платоновичу, без особых усилий отомкнув гаражный навесной замок.

– Н-да! – дед пошамкал губами. – Скажи честно, кем ты по прошлой жизни был?

– Так ведь говорил уже. Военным.

– Что-то я ни от кого не слышал, чтоб военные таким баловством грешили...

Идя «на дело», из давно не используемого шмотья подобрал себе одежду. Работать придется ночью.

Семейство спало без задних ног. Поднявшийся, вроде бы как до ветру, дед проводил до гаража. Пока внук одевался в приготовленную одежду, сходил, открыл для проезда семейной «Волги» воротные створы. Когда Михаил на выезде чуть притормозил, пожелал:

– Ты это, поосторожней там!..

Машины оставил в квартале от завода. Город спал. Ну, с Богом! По улице частного сектора добрался до искомой точки. Завод работал только в дневную смену. Зная, что человеческая кожа имеет свойство выделяться в темноте, натянул на руки перчатки, а лицо закрыл матерчатой, темной маской. Вперед!

Скользящим шагом, стороной минуя фонари, проник к фасадной двери «главного офиса» предприятия. Его самым надежным помощником была темнота. Михаил отлично знал ее сильные и слабые стороны. Помнил о том, что в крошечном мраке даже слабый свет резко снижает чувствительность ночного зрения, поэтому вхохривцы, сидящие внутри здания на проходной, возле вертушки под люминесцентным освещением, вглядываясь в темноту, видят в ней очень немного. Одной из отмычек поковырялся в личинке замка. Щелчок показался ему очень громким, но он понимал, что все это его домыслы при восприятии происходящего действия. Дверь без единого скрипа приоткрылась, и он проник внутрь здания.

Проскользнув, затих на месте.

Кабина контролеров, как пупок на животе толстяка, светлой отметиной «зияла» в широком холле, металлической вертушкой и перилами отделяя охранную зону от учреждения свободного доступа. А ему и не нужно в «зону». Ему бы только до второго этажа добраться. Напрягало ощущение, что оба старых пердуна-контролера, обсуждавших какого-то Пантыкина, смотрят прямо в темноту, где он схоронился. И чего им неймется? Спали бы лучше! Кому в здравом уме в голову придет покушаться на достояние народа? Тем более на первом рубеже охраняемого объекта.

Только решился прошмыгнуть мимо двери бюро пропусков, когда услышал звук хлопнувшей двери и приближающиеся со стороны «зоны» шаркающие шаги. Оба вхохровца встретились, как по команде развернулись к нему спиной. Один из них произнес:

– Гляди-ка, Федорыч, Пантыкин со своим выводком на три минуты припозднился!

– Сейчас первым делом в крыло заводской столовой потащит. А нас...

Именно в этот временной промежуток Михаил очень осторожно, совершенно бесшумно, но в то же время достаточно быстро прошмыгнул опасное, хорошо просматривающееся пространство. Свернув за угол, оказался перед ступенями лестницы, ведущей на второй этаж. Остановился. Перевел дыхание. Выходит, как раз успел совершить передвижение перед обходом «караула». Спешить и подниматься вверх не стал. Прислушался. Самое интересное, что пресловутый Пантыкин обнаружил не запертой входную дверь, теперь распекал обоих контролеров и в хвост и в гриву. Ставя им в вину разгильдяйство, забывчивость и старческий маразм.

Практически на ощупь, придерживаясь перил, поднялся на второй этаж. Можно включить фонарик. Узкий, строго направленный луч взрезал темноту, воткнулся в светлого цвета доску, прямо напротив лестничного пролета «пристегнутую» к стене в коридоре. Стенд с броским названием – «Вестник профсоюзной организации заводоуправления». Шагнул вперед, услышал снизу звуки обхода территории. Судя по всему, Пантыкин дело знал туго и действовал строго по инструкции.

Легким бегом преодолел коридор. В торце стеновой панели, через оконное стекло проникал свет луны. Вот и та дверь, с которой возиться не нужно, замок можно ногтем отпереть. Архив запёрли в самый угол левого крыла второго этажа. По опыту знал, в такие места даже охрана без особой нужды не суется. Оказавшись внутри помещения, ухом приник к дверному полотну, слушал, что происходит снаружи. Спустя какое-то время охрана при обходе осмотрела этаж, отправилась восвояси. Вроде бы тишина. Значит, можно приступать к «прогулке».

Прошел в другое крыло здания. Плакатный дедушка Ленин в напыленной на лоб кепке улыбался со стенда, шурился, казалось готовый подмигнуть Каретникову. Ф-фу! Адский папа! Только тебя здесь и не хватало. Однако за стендом дверь кадровиков. Глаза помимо воли послали информацию в мозг. Социалистические обязательства отдела кадров завода. Раньше

на стенд даже внимания не обратил, а тут луч фонаря высветил давно забытое понятие. И в чем же, и с кем кадровики соревноваться могут, о чем обязательства берут? Хмыкнул. Социализм это, конечно, дело хорошее. Ни бомжей тебе, ни безработных нет, но вот такого маразма, как обязательства людей, ничего кроме собственного дерьма не производящих, это что-то...

Идиот! Отвлекся! Дело делай давай!

С сейфами, как и ожидалось, долго возиться не пришлось. Как открывал, так тут же и запирали обратно. Деятели! В отличие от военных, металлические ящики не опечатывали и не пломбировали. Взрослые дети. Хотя по-своему они правы. Кому нужна вся эта макулатура? Наконец-то нашел, что искал. Тонкие папки личных дел работников «шерстил» профессионально.

Год рождения, личные данные... В сторону. Дальше! Дальше! Этот подходит... Изъял фото. На обратной стороне чиркнул адрес. Папку в общую стопку. Дальше!.. Один за другим «проверил» все сейфы. После себя оставил порядок и запертые, как было до него, железные коробки хранилищ бумажных носителей людской биографии. Вот и все, он снова в общем коридоре второго этажа. Мельком глянул на циферблат наручных часов. Ого! Не заметил, как два часа промелькнули...

Уже усевшись на диван переднего сиденья «Волги», освободившись от перчаток и надоевшей маски, включил потолочный плафон, более спокойно рассмотрел «ночной улов».

...Утро красит нежным светом стены древнего... О-о! Как же неохота вставать! И утро вовсе не такое уж и ясное, а совсем наоборот, по-осеннему пасмурное. Скрипка в голосе деда заставила собраться и, открыв заспанные глаза, сделать над своим организмом усилие.

– Мишаня! Подъем! В школу опоздаешь!

Будто в отместку за него, голос бабаньки встал на защиту:

– Чего раскричался, старый? Пусть дытына еще поспит! Ничего, успеет! Тут до школы-то два шага.

* * *

Линейки гаражных строений тянулись от окраины городского квартала до самых посадок шелковицы и жердели. Этими посадками город поставил границу между собой и сетью заводов, вечно загрязняющих атмосферу своими «выбросами». Лет пятнадцать назад городское начальство, не поскупившись, выделило населению «гуляющую» площадь, и с тех пор в этом месте города появились целые фавелы. Постройки для ремонта и хранения личного транспорта варганили из чего придется. Любой добытый материал шел в дело. В отличие от бразильских трущоб, порядок на территории гаражей все же имел место быть. Автомобилей у граждан СССР было не много, но мотоциклы и мотороллеры советские люди позволить себе уже могли. Ко всему прочему, большая часть гаражей использовалась в качестве сараев с подвалами, что для жителей многоэтажек предполагало удобства хранения накопившегося «хлама» и летних заготовок. А еще в летнее время в гаражах собирались целые «клубы по интересам». Кто-то приходил сюда пообщаться с товарищами, кто-то распить спиртные напитки, поиграть в картишки. На самой окраине собирались «фанаты» футбола, как ни странно – шахмат. Имелся и «автомобильный клан» – умельцы-ремонтники. Но самое главное, это была свободная территория от руководящей и направляющей роли партии... С поздней осени жизнь в гаражах замирала до весны...

Льет ли теплый дождь,
Падает ли снег –
Я в подъезде против дома

Твоего стою...

Голос Ободзинского плакал из радиоприемника. Аккуратно обминая лужи и выбоины, маневрируя на поворотах в «шхерах» проездов и свалках автомобильного мусора, добрался до искомой точки спланированной поездки.

Оставив «Жигуль» на улице, войдя под крышу старой постройки, закрыл за собой дверь, задвинул щеколду, всунув металлический шкворень в паз. Облегченно выдохнул воздух из легких. Задышал ровней, успокаивая повышенное сердцебиение. Вот он наконец-то в своем логове, где все привычно создает иллюзию защищенности от внешнего мира. Этот гараж он прикупил всего лишь год назад, и о его приобретении среди знакомых и приятелей мало кто знал. Даже жена понятия не имела, в каком месте хранится их машина. Что с нее взять, молодая глупая баба! Интеллектом родители не наградили, а ему и не нужно. Так проще, быть как все.

Сгреб на пол с верстака ненужный хлам, раздвинул шторы на стене. На деревянном щите глазу открылась галерея фотографий. Каретников-младший предстал на них во всех ракурсах. Вот он у школы. В коридоре заводоуправления. У ворот дома. Вот в компании сверстников... Лакомый кусочек низменной потребности молодого садиста. Сегодня! Да, именно сегодня! Механизм уже запущен, яд должен подействовать не быстро, набирая обороты к вечеру, а там нужно вовремя оказаться в нужном месте. Он сможет.

Последний штрих. В саквояж собрал нужный инструмент, любовно прикасаясь к хромированной поверхности металла. Уже ощущал в себе возникший трепет, но не было той удовлетворенности, без вида мук и крови жертвы. Ничего, он потерпит, он выдержит до волевого мига экстаза...

* * *

Каретников продолжал удивляться метаморфозам, произошедшим с ним. Да, он по внутреннему содержанию так и остался взрослым, но при этом замечал то, что происходило рядом с ним, с его сверстниками и детьми помладше. Слово «гулять» понималось по-своему. Гулять, значит – бегать. Позвали домой поесть – «меня загнали», а самый смак, суметь пулей слетать домой и пулей вылететь обратно с куском черного хлеба, намазанным маслом и посыпанным сахаром. Никакого Интернета, лишь подвижные игры, что в школе, что во дворах. Давно забытые названия ласкали слух. Горелки, царь горы, уголки, лапта, городки, нагонялы, вышибалы, ножички, казаки-разбойники, войнушка, чехарда, футбол. Велосипед! Да-а! Было бы совсем неплохо пожить обычной жизнью «рядового» десятиклассника. Почитать художественную литературу, пригласить в кино подружку, посидеть в тесном кругу сверстников. Только это все нереально. Он – другой! В смысле нынешнего Каретникова, с грузом полтинника лет за плечами, это не торкало, не могло дать выхода эмоций и морального удовлетворения.

Между тем среди четырех фигурантов, по ряду признаков подходивших на роль потенциального маньяка, путем размышлений, общения с их соседями, сопоставлений временного ограничения и поведения в привычной для них среде – отмел троих. Те либо никак «не тянули» примеряемую на них роль, либо находились на глазах у кого-то из свидетелей. Только один подпадал под «выставленные» Михаилом рамки. Теперь следовало еще раз перепроверить полученную информацию и собственные выводы, а затем... Затем кардинально решить проблему съехавшего с катушек человека.

Вернувшийся с работы отец выглядел не лучшим образом. Бледность на лице не добавляла оптимизма в понимании о состоянии здоровья родителя.

– Что-то желудок подводит. Наверное, рыба в столовке не совсем свежей была. Ведь чувствовал, не стоило есть...

Увидав сына, бабуля засуетилась, озабоченно «кудахтая», выразила неудовольствие задержкой с работы невестки.

– Витенька, может, старого позвать? – предложила сыну.

– Не нужно, мама.

К занятиям отца, к приходам болящих людей к старому знахарю коммунист и просто гражданин Союза Виктор Каретников относился отрицательно, но поделаться с этим ничего не мог, а потому «отворачивался от проблемы и молчал в тряпочку», терпел.

– Тогда давай «скорую» вызову.

– Не бери в голову, мать. Отлежусь, само пройдет.

– О-хо-хо!

Михаил не стал дожидаться продолжения причитаний старушки, двинулся в зал, где в это время дед смотрел телевизор. Еще в прихожей услышал веселый дедов смех и смутно знакомые голоса из динамика цветного «Горизонта». Войдя в комнату, хмыкнул. Точно! «Кабачок “ стульев”», старая как мир передача. Ольга Аросева – совсем еще не в преклонном возрасте. Сейчас вспомнишь, советский народ вечно интриговала странная дружба пани Моники с паном Профессором. Что-то между ними было?! Не зря же он ее так слушался.

– Слышь, дед! Там батя прихворнул.

– Чего случилось?

– Кажись, в столовке рыбой траванулся.

– Жрут все что ни попадя! Пускай бабка марганцовки разведет и желудок своему чадушке промоет. А-ха-ха! Смотри, как ловко Гималайский пана Спортсмена поддел! Ха-ха!

Не! Дед по поводу батиной болячки палец о палец не ударит. Придется самому идти промывать «предку» желудок, бабулька в этом плане не справится...

«Скорая» приехала еще до прихода матери. Батяню увозили с подозрением на аппендицит. Уже у открытой задней двери самой «таблетки» отец протянул Михаилу связку ключей.

– Миша, сгоняй на завод. Полчаса назад позвонили, из-за проклятой боли толком не понял, но зачем-то они потребовались. Странно, скоро ночь... Может, комиссия из главка ожидается? Ой! Больно-то как!

– Больной, не задерживайте! Себе ведь плохо делаете! – поторопила врач в белом халате, приехавшая на вызов.

Крикнул из-за спины санитара, почти в закрытую дверь:

– Батя! Не волнуйся, ключи передам!

Погода мерзопакостная, на дворе считай ночь, а отцову машину не возьмешь, появившаяся мать не поймет. Придется на трамвайчике добираться, а потом еще и ножками пройтись.

Что за время? Ни тебе «сотовых», ни вызова такси на дом! Можно, конечно, «забить на все» и отнести ключи завтра, так ведь обещал... Мать помчалась в больницу к отцу и тоже «своим ходом», так что контроля над ним никакого. Дед и бабка не в счет! Они всегда на его стороне. Поставил деда в известность:

– Сгоняю, ключи отдам.

В ответ услышал:

– Сходи.

В частном секторе никакого освещения. Вышел к пустырю, издали в смазанной легким туманом дымке увидел сияние проспекта. Вон и кинотеатр освещен, как новогодняя елка. Миновав ограду школьного парка, уже хотел пересечь дорогу. Скрип тормозов заставил приставить занесенную над дорожным полотном ногу. Как черт из коробочки, прямо перед ним затормозил «Жигуленок». Из темени открытого окошка мужской голос окликнул:

– Михаил!

И кто это у нас нарисовался? Склонился к окну, пытаюсь рассмотреть водителя. Потолочный плафон салона зажегся. Ба-а! Знакомое лицо. Вот уж кого не ожидал увидеть! Чего это ради? Ты ведь, насколько известно, «специализируешься» на девочках. Или?..

– На завод?

– Да.

– Садись, подвезу. Я туда же. Утром комиссия из Киева приезжает, директор собирает всех начальников и их замов.

Чего ж не воспользоваться, коль предлагают. Тем более пришла нужда познакомиться поближе. Плюхнулся на сиденье рядом с водителем. Пока не выключил освещение, провел банальное прощупывание фигуранта. Не лишнее.

Визуальный мониторинг о человеке «рассказывает» многое. Одежда и ее стиль, морщины на лице, аксессуары, манера поведения, диалект, употребляемый жаргон. Да еще много нюансов, которым учился когда-то. Свет в салоне погас. О-о-о! Мила-ай! А ведь ты в спортивный костюм облачился. Так в советское время на совещание приходил моветон! Ни директор, ни коллеги не поймут такого разгильдяйского вида. А почему при маске улыбки на лице такая несдержанность дрожи нижней губы? Нетерпеливое предвкушение. Чего?

– Сейчас! – тронул машину с места. – Только в одно место по-быстрому заскочим и махнем на завод. Успеем!

«Та-ак! Значит, все же убивать меня собрался», – сделал вывод Каретников.

– Извините, а вы кто?

– Ха-ха!

Если бы не знал всей подноготной, не распознал бы нервического смеха.

– Забыл? Мы же в заводоуправлении виделись. Я Николай Скрипкин, зам нача транспортного цеха.

Машина вильнула, ушла в поворот, противоположный огням проспекта.

– А мы куда едем?

– Потерпи. Скоро узнаешь.

Пошел поток слов, отвлекающих от ненужных мыслей, пассажира:

– А знаешь, мы с твоим батькой...

...с потоком слов почувствовал взмах руки перед носом, потом сладковатый, легкий, но приятный запах, напоминавший... напоминавший что-то узнаваемое, но подзабытое... Что? Зачем? А еще звук приемника в машине, водитель сделал погромче.

– А-а-чхи! Ап-чхи! – будто пыльцу вдохнул, и она, осев, разбредила рецепторы обоняния.

Как через пелену в ушах услышал:

– Что? Плохо тебе? Сейчас полегчает. А то, что мысли путаются, в голову не бери. Это не больно, даже некоторым образом приятно. Забирает! – Похвастался: – Действие коктейля на себе испытовал. Сам его изобрел. Опий на травках. Вещь! Да ты не бойся, не врежемся. Я-то в норме. Ватные тампоны в нос вставил. У-у! Сладкий! Вот мы почти и на месте.

Повело. Мысли в голове стали вялыми и тягучими, как патока, но противодействию «химии» его в прошлой жизни обучали. Пересиливая свое состояние, еще надеялся освободиться от воздействия «наваждения». Уже путаясь и коверкая слова, пошел в наступление, стараясь спровоцировать, нарушить тем самым план маньяка. Маньяка ли?

– Вы, Николай, довольно самокритичны. Вы чувствуете, что обладаете огромным неиспользованным потенциалом. У вас есть слабые стороны, но в целом вы способны их компенсировать. Вам нравятся периодические перемены и разнообразие. Ограничения угнетают вас. Вы гордитесь своей способностью к нестандартному мышлению и независимому рассуждению...

– Чего-о?!

Перевел дыхание, в своем состоянии понимая, что прервал собеседника, сорвав с вожденной мысли. Теперь не прерываться, параллельно стараясь подчинить себе свое же, вдруг одеревеневшее тело.

– ...Временами вы открыты и общительны, а иногда скрытны и скептически ко всему настроены. Временами вы всерьез сомневаетесь в правильности выбранного вами пути. Уверенность в будущем – это одна из ключевых целей в вашей жизни. А ведь этой уверенности у вас как раз-то и нет... Я стекло опущу...

– Н-нет!

Водитель ударил по тормозам. Машина резко встала, словно скаковая лошадь напоролась на препятствие. Скрипкин руками замолотил по «баранке» руля.

– Замолкни! Ублюдок!

– ...В последнее время вам кажется, что вы совершаете ошибку, и не знаете, что решить. Поверьте, именно в вашем случае самым верным будет отступить... Иначе с вами произойдет непоправимое. Ваша тайна секрет Полишинеля...

Незаметное движение руки в темном салоне, и дверь снята со стопора замка. Удар локтем, нацеленный в висок, в таком ограниченном пространстве Михаил не просчитал, но к чему-то подобному даже в таком состоянии был готов. Разум толком не проявился, и все же легчало. Удар он смягчил плечом, при этом сам толчок использовал как возможность вывалиться из машины. Поднялся. Пока сам водитель выскочил из авто, Каретников, спотыкаясь, почти на четвереньках рванул в темноту.

Осень. Ночь. Дожливая морось. Людей никого. Где это он? Что ж так неповоротливо путаются мысли в голове. Бежал, спотыкаясь, как бегает роботы в фантастических фильмах у американских киношников.

Вражина, судя всему, по топоту ног догнал его у чернеющего высокими стенами заброшенного, двухэтажного здания барачного типа. Крючковый удар по ногам, и Михаил падает в грязь.

– Мразь! С-сука! С-сука!

Удары ногами сыплются куда придется. Закрылся. Тело приняло позу эмбриона. Руки, как могли, прикрыли лицо и голову. Скрипкин отпрянул, затравленно прислушался к тарахтению мотора со стороны дороги, на которой бросил свой «Жигуль». Мотоциклист. Как же не вовремя-то! Что подумает? Что предпримет? Двери в машине нараспашку... Кажется, мимо проехал.

Наклонившись, сгреб в охапку тяжелое, податливое тело жертвы. Шлепая по лужам, потащил парня к пустому проему входа в здание...

– Очухался?

Все тело ныло и болело от полученных травм и тумачков, но, несмотря на это, в голове явно просветлело, в мыслях не было недавней заторможенности. Каретников приподнял голову от груди, осмотрелся. Не слишком большая комната с высоким потолком, частично захламленная бытовым мусором. Оконные проемы зияют пустотой, ныряющей в темноту ночи. В комнате светло от горящих свечей, расставленных на полу. Его совершенно голое тело подвешено и веревками жестко приторочено к подобию крестовины. Обидчик, ухмыляясь, встал в дверном проеме, ведущем из соседней комнаты.

– Оклема-ался-а! Хи-хи! Не поверишь! Думал, с тобой повозиться придется, а оно вон как просто все вышло. Ты подыши! Подыши, Миша! Недолго осталось. Я бы и рад побыстрее позабавиться, только всему свое время. Ты и представить себе не можешь, как приятно ощущать твой страх. Ничего, скоро действие наркотика совсем исчезнет, тогда свое и возьму. Ты лучше посмотри, какие цацки я для тебя приготовил. Хи-хи!

Развернутая прямо на полу сумка для инструмента из плотной ткани своим наполнением предстала во всей красе. Ножи, скальпели, щипцы и ножницы, способные перерезать хрящи, в отблесках пламени свечек сверкали никелированным железом. Не набор, а мечта для работника морга. Скрипкин действительно сумасшедший маньяк. От увиденного бросило в жар, Михаил задергался на своей «Голгофе». Замычал, пытаясь через кляп вытолкнуть наружу хоть какие-то звуки, способные призвать на помощь.

– Тихо! Тихо! – ладонью потрепал Каретникова по щеке. – Скоро уже.

– Что за шум, а драки нету?

И палач, и жертва одновременно повернули голову на голос. В том же проеме, из которого совсем недавно вышел Скрипкин, стоял человек. Так тихо подобрался, что никто и не услышал. При скудном освещении Михаил все же подметил его молодость, невысокий рост и совсем не богатырские габариты. Н-да! Если вступится, может с таким ломтем и не справиться. Правда, в руке у него не то дрын, не то толстая трость имеется.

Новый персонаж наметившегося действия шагнул вперед. Носком сапога буцнул свечу, стоящую как раз перед ним, и ею же сваливая еще одну, в противоположном углу комнаты.

– Я так понимаю, дядя садист?

– Т-ты! Ты...

Скрипкин уже «оклемался» от страха, понял, что это вовсе не милиция повязала его «на горячем». С одним-то худым дрищем он справиться сможет, как справился с младшим Каретниковым. Уже сам с непонятно как вдруг появившимся в руке ножом диким кабаном метнулся на незнакомца. Парень явно дураком не был. Отступил в темноту, и Михаил смог лишь распознать звук пары ударов за стеной. Судя по этому звуку, парнишка работал жестко, можно сказать бил от души. Громкое падение без крика боли, даже без всхлипа, на замусоренный пол чего-то тяжелого довершило дело.

От прошедших разборок в комнате явно потемнело. Помещение освещали всего лишь пара горевших свечей. Незвестный спаситель, войдя в него, приставив оружие победы к стенке, первым делом расшатав, вытащил кляп изо рта страдальца.

– Ну, ты как?

– Н-нормально... – ответил Каретников. – З-замерз!

– Это ничего, поправимо.

– Вовремя ты появился.

Освобожденный от пут Каретников смог наконец-то одеться, в то время как его спаситель заволок в комнату связанного маньяка. Покидать место событий никто не торопился.

– Меня Михаилом зовут.

– Антон, – представился парень.

– Как ты здесь оказался?

Михаил выглянул в черноту оконного проема. Не далеко же Скрипкин увез его. Это выходит, они пустырь по периметру объехали. Огни проспекта отсюда отчетливо выделяли кинотеатр «Шахтер», широкий проезд на главную магистраль и угол магазина «Буратино». Но даже не это подняло настроение, кругом было все белым бело, и в свете звезд и ночного светила кристалликами искрилось по снежной целине. Красиво! За спиной расслышал слова парня:

– Если скажу, что случайно, поверишь?

– Ну... не очень.

– Правильно.

– Тогда объясни.

– Можно, времени у нас вагон и маленькая тележка. Для тебя секретов в этом нет. Присядь вот сюда.

Указал на колченогий табурет, одной из своих сторон упертый в стену, а потому и стоявший устойчиво. Сам встал напротив, выставив перед собой трость, с которой появился на

ночное «рандеву». Интересная вещица. Действительно необычная трость, можно сказать своеобразное оружие. Отполированное дерево коричневого цвета, с набалдашником в виде оскаленной морды волка на отростке корней пня.

– Обеими руками возьми за посох. Правильно, так. В глаза мне смотри...

– Освещение хреновое. Я твоих глаз толком не вижу.

– Ничего! Расслабься.

Антон ладонями обхватил запястья Каретникова.

– Расслабься! Тепло от дерева ощущаешь?

– Да.

– Значит, признал в тебе русколана... – Будто гипнотизируя, парень что-то шептал Михаилу, но тот толком ничего не понимал.

Наркотик давно перестал действовать, видно доза его минимальной была. Сознание чистое, но по мере «общения» со спасителем будто под чужой контроль встало. И этот туда же! Э-хе-хе! Дать бы по мозгам, так ведь из лап маньяка вытащил. Ладно, потерпит! Пусть развлекается.

Что-то изменилось! Что? Трудно понять, невозможно въехать в происходящее. Поначалу было даже прикольно, комната потеряла свои очертания, и вот уже Каретников находится непонятно где. Наиболее близкое понимание ощущения – завис между небом и землей. Только чувствует, как невидимые руки держат его запястья. Волшебство! Еще миг, и пропало даже это чувство, но ему на смену тут же пришло другое. Он уже не он. То, что было ним, как бы растворилось в другом человеке, сделав их одним целым. Даже мысли у них стали едиными, и помыслы, и физика тела. В душе навернулась тоска...

Повернулся Небесный Круг, и настала Ночь Сварога. Лютая эпоха Рыб начала свой путь по землям планеты. И вот уже на Русь волна за волной идут иноземцы – готы, гунны, герулы, языги, эллины, римляне. Настала Ночь Сварога, и власть в начале эпохи переходит к Чернобогу. Что поделать? Варна такая!

С последними лучами заходящего Ярилы неумолимо утекало время. Его время! Он знал, что следующий день станет для него и его людей последним в этой реальности. Всем своим естеством почувствовал, остановилось старое и начало вращаться Новое Коло Сварога. Стоял на вершине утеса над текущей рекой, вглядывался в лагерь врага на противоположном берегу реки. Мог ли он сейчас что-либо сделать?

...Германарих, король готов, привел орды покорных ему народов. И была повержена Русколань. И взял чужак жену из его рода, Лебедь Сва. Считал, что сестра снимет со сложившейся обстановки груз проблем. Но тщетно! Германарих, словно посмеяться хотел, убил ее. И тогда вожди, схитрив, внезапно напали на захватчиков. Войско готов разбили, а он лично заколол самого Германариха. Прошло немного лет, и потомок Германариха – Амал Винитарий – снова вторгся в страну Русколань. В первой же битве он был повержен, но потом, перегруппировав силы, решительно повел их в бой. Врагов было слишком много, и готы разбили русколан. Завтра...

Сзади послышался шорох шагов по камням. Оглянулся. Одетый в бронь воин встал рядом.

– Что?

– Все готово, князь.

– Тогда пойдем, мой верный Китоврас. Пора нам с тобой сделать еще одно дело.

У подножия утеса в молчании встали ровной стеной семь десятков озброенных витязей, все, кто остался в живых после прошлой битвы с иноземцами. Воины были умелы и закалены в боях, от стара до млада, все понимали, что завтра битва и к ее началу никак не поспеть им в

помощь войскам, шедшим из града Кияра Антского. Оставалось вывести свои малочисленные дружины и спокойно принять как должное свою участь ярого бойца.

– Бояре! – обращаясь к ближникам, чуть повысил голос. – Из завтрашной карусели войны из стоящих здесь никто живым не выйдет. Наше дело придержать противника у сей реки. Придержать как можно дольше. Я верю, мой брат, князь Златогор сможет победить пришлое воинство, но зачин этой победы лежит на наших плечах.

Оглянулся.

– Китоврас, передай боярам мой последний им дар!

По рядам воинов заскользили волхв и его подручные, вкладывая каждому в ладонь науз. Кругляш светлого металла на тесьме. Рунное письмо на нем преображалось в слова. Первый получивший оберег, боярин Авсень, прочитал вслух:

– Побуд! Сар! Верьте! Сар ЯрЬ Бус – Богов Бус!

Услышав его, он перевел текст письма на наузе на привычный всем язык:

– Пробудись, Народ Великий! Вспомни заветы предков!

– Да будет так всегда! – откликнулся Китоврас, встав у правого плеча князя.

Строй в один голос подвел черту, казалось, возгласом вспугнул стгутившиеся сумерки:

– Слава Бусу Белояру!² Слава нашему князю!

Он поднял руку, заставив замолчать воев.

– Теперь слушайте все меня и постарайтесь запомнить в моих словах каждую мелочь. Подаренный науз имеет волшебную силу. Он не защитит вас в бою и не даст легкую смерть. Сей предмет создан для иного. Отныне каждый из моих бояр после своей гибели на бранном поле получит возможность переродиться заново, вернувшись в свое же тело, но на десятки лет назад... Кроме того, отныне вы получаете право передать такую же возможность своим потомкам. А те, в свою очередь, передадут дальше.

По рядам прошел шепоток.

– Вы спросите, зачем все это нужно? Отвечу! Впереди русколан ждет тысяча лет Ночи Сварога. Чернобог будет править по всей земле. Вы и ваши потомки обязаны будете во все времена противостоять пришлым завоевателям. Обязаны хранить Русь от чужого вмешательства. Хорошо запомните, как выглядит ваш науз. Смешение вашей крови с кровью ваших потомков на будущих кругляшах обеспечит передачу «наследной» способности переродиться...

Видение или явь?

...Рано утром волхвы покинули маленький лагерь русколан. С первыми лучами солнца противник попытался форсировать водный рубеж... Страшная сеча длилась почти до полудня и закончилась с гибелью последнего из бояр. Каретников, или тот, кем он был в эти часы, изнемогая от усталости, орудовал мечом. Щита он давно лишился, кольчуга зияла прорехами, а лоскуты железных звеньев, свисая, только мешали. Многочисленные раны и большая потеря крови все больше и больше угнетали... Взор отметил нависший над головой чужой клинок. Он не успел. Мгновение боли и... Все разом померкло. Самое интересное, что после своей смерти он какое-то время продолжал наблюдать за развивавшимися в Яви событиями...

Враг понес колоссальные потери и двинуться в глубь чужого государства сразу не смог. Злопамятен оказался вождь готов, Амал Венд. Не по-людски поступил! Велел собрать с поля брани все тела погибших русколан и распять их на крестах. Закончился Великий День Сварога, наступила Ночь. Природа, словно протестуя против такого отношения к павшим героям, отметилась и сама. В ту же ночь, когда был распят Бус, произошло полное лунное затмение.

² *Бус Белояр* – великий князь Руси Ведиической, наследник престола Русколани – Антии. Родился 20 апреля 295 года н. э. Убит готами в ночь с 20 на 21 марта 368 года.

Также землю потрясло чудовищное землетрясение. Трясло все побережье Черного моря, разрушения были в Константинополе и Никее...

Видение отпустило. Оказалось, парень и сам выпустил из рук запястья Каретникова, сидел напротив и ждал, когда тот придет в себя.

– Ну? – задал вопрос, который можно было трактовать по-разному.

– Что это было?

– Дал тебе кусочек родовой памяти просмотреть.

Михаил потряс головой, будто сбрасывая с себя остатки видения. Что тут скажешь? Надо же. Как в этом мире все непросто! А мы-то жи-и-вим! Ничего толком не знаем и считаем себя пупом земли. Высказался:

– Силен мужик! Так, я не понял. Он что, волшебником был?

Антон хмыкнул, видно подозревая собеседника в тупизне. Однако как школьнику на уроке истории дал, кажется, наиболее развернутый ответ:

– Знаменитым предком Буса Белояра был сак Бус Бактрийский, который в четвертом веке еще до нашей эры правил Бактрией и Согдианой, провинциями Персии. Сама династия связана кровно со многими царскими домами мира. В кельтской Европе с царским домом короля Артура, у франков с Меровингами, у скандинавов с Инглингами. В Малой Азии с потомками царя Давида. В Индии с царями солнечной династии, в том числе с Рамой и Буддой Шакьямуни. Были в родстве князья из династии Бусов и с Заратуштрой. Представляешь, какая гремучая смесь текла в его жилах? Он был правителем, волхвом и воином.

– Ты историк, что ли?

– Кхе! – Чуть не подавился подступившей вдруг слюной, ну и тупой же «перевертыш» ему попался. Справился. – Волшебником был Китоврас. Кстати, по семейному преданию, я один из его потомков, – похвалился молодой парень. – Между прочим, кельтам Китоврас был известен под именем Мерлин.

– Гм!..

– Да-да! Тот самый Мерлин. Это у нас память о нем англичане, как и многое другое, слямзили.

– Ничего святого у лаймов нет, – согласился с собеседником Каретников. – Эти сквалыги во все времена перли все, что под руку попадалось. По своему опыту знаю. Извини за то, что прервал! Так, что там еще про Буса известно?

– Триста шестьдесят восьмой год, год распятия князя Буса и его бояр, имеет астрологический смысл. Это рубеж. Конец эпохи Овна и начало эпохи Рыб. Тысяча лет.

– Сколько-о?

– Тысяча.

– Очешуешь!

– Слушай, ты так удивляешься, будто не знаешь, что эпоха Рыб уже почти закончилась.

– Ф-фух! Слава яйцам! А то уж я думал...

– Короче, Бус заложил основание русского национального духа. Он оставил нам в наследство Русь – земную и небесную. Кстати, если хочешь знать, сам символ креста вошел в христианскую традицию после распятия Буса. Канон Евангелий был установлен после четвертого века и основывался в том числе и на устных преданиях, ходивших тогда по христианским общинам. В тех преданиях образы Христа и Буса Белояра были уже смешаны...

– Слышь, дружище, ты часом головкой ни обо что не треснулся? Сравниваешь!

Антон пропустил неловкий вопрос мимо ушей. Как ни в чем не бывало продолжил:

– Спустя много лет Бус вновь явился в Русколани. Он прилетел на прекрасной птице, на кою взошла и жена Буса – Эвлисия. И после этого Бус и Эвлисия улетели вместе к Алатырской горе. И ныне они в Ирии, в небесном царстве у трона Всевышнего.

– Что-то я в нынешней школе не заметил хотя бы упоминания о Бусе Белояре? Про церковь так и вообще молчу.

– Каретников, ну ты же, как мне сказали, в прошлом разведчик! Мозгами раскинуть слабо? Правдивая история или просто былины и легенды о том языческом времени не нужны власть предержащим, как в прошлом, так и ныне. Им всем, начиная с иуды Володи Солнечного и заканчивая нынешними правителями, приходилось и приходится скрывать любыми способами, что Русью, а позже Россией правили не русские. Поэтому история у нас начинается с Романовых. Все советские вожди – инородцы с русскими фамилиями. Даже чужеродную Византийскую кефалическую правоверную религию называли русской православной. Так зачем напоминать порабощенному народу об их великом прошлом?

– Эх! Убедил, речистый. А от кого Каретниковы свой род ведут, скажешь? Или в Лету канули все «источники»?

– Ну почему же? Я о своих подопечных многое знаю.

– Подопечных?

– Мы – корректоры реальности. У нас, как и у вас, все знания по наследству передаются. Ты свой род от боярина Будая ведешь, то есть пробужденного благовестника воли Богов.

– Это мне, как говорится, ни о чем! Но все же приятно знать, что не от простого дровосека.

Беседу прервала возня по соседству. Коля Скрипкин уже битый час пытался развязать конечности. Старался делать это тихо и незаметно, только вот не получалось, поэтому от потуг все же «спалился». Каретников на корточках присел возле него, «поймал» ненавидящий взгляд Николая. Вступать в полемику с маньяком считал делом ненужным.

– Его бы как-то «органам» сдать? – предложил новый приятель.

Пошутил:

– Лучше на органы. Вон, рожа какая упитанная. От хорошей кормежки скоро треснет.

Заслышав предложение, Скрипкин тихо заскулил. После того, как его «стреножили», он вообще ни слова не произнес. Ведь понимает, зараза, звездец ему настал. Шутник, Антон! Ментам сдашь, кто поручится за то, что дело не передадут ретивому следaku, пожелавшему размотать клубок событий до конца? А на конце они оба. Зачем светиться? Вариант с умным, разворотливым адвокатом отмел сразу. Время не то, основной состав будущих демократов нынче либо в детский сад ходят, либо на теплых партийных местах присели. Сегодня такие дела решаются быстро – лоб зеленкой помазали и будьте любезны несколько минут у стеночки постоять. Да! Так вот.

Ухватив за плечи, кантонул гаденыша в сидячее положение. Отработанным еще в той жизни движением с усилием потянул ему голову к плечу и тут же на попытку сопротивления поддался, добавив силенок упырю, мотнул в обратную сторону. Противный сухой шелчок отчетливо прозвучал в холодном воздухе помещения. Сноровисто отбросил от себя голову покойника, отскочил от тела. Ф-фух! Кажется, не запачкался. Запах фекалий ударил в нос.

– Ты что утворил, ирод?

Разволновавшийся Антон не мог успокоиться.

– Спокойно! Как там в таких случаях говорится? Приговор окончательный, обжалованию не подлежит! Нам здесь оставаться не стоит, а вот прибраться нужно.

– К-как?

– Не знаешь, куда он тачку поставил? Или она все еще на дороге стоит?

– Какую тачку?

– Тьфу т-ты! Ну, «жигуль»?

– На дороге.

Без брезгливости ощупал карманы покойного, нашел ключи.

– Погодь здесь. Я сейчас.

Народ не слишком жаловал такие места, как это, а особенно ночью. Стараясь сильно не наследить на снежном покрове, сходил к машине. В багажнике нашел две металлические канистры.

Запасливый гад. На такую удачу даже не рассчитывал.

Ту емкость, что была наполнена маслом, притаранил на место преступления и под тяжелым взглядом своего спасителя, экономно, но стараясь ничего не пропустить, плескал тягучую, темную жижу на все, к чему он и Антон могли прикасаться. Кажется, всё!

– Идем. Чего ты?

– Михаил, а ты вообще кто?

Ослабился. Дело ясное. Антон хоть и корректор чего-то там мудреного, но в реалиях спецслужб смыслит мало. Это-то и хорошо, пусть так и остается.

– Потом расскажу. Идем, только как из дома выйдем, ты по следам шагай.

Шагая за «напарником», сломанной веткой приводил след в состояние «нечитаемости». Облитая бензином машина, вспыхнув факелом, скорей всего издали обращала на себя внимание, но по-другому оставлять ее было нельзя.

– У меня вон за тем кустарником «Ява» стоит, – рукой указал Антон.

– И ты молчал?

Сначала выехали в более людные места, потом по пустынному проспекту промчались в сторону центра города...

Глава шестая. На основе того, что неизвестно, нельзя заключить, что этого нет

Антону Волховикову этим летом минуло восемнадцать лет. С возраста, когда мальчик в семье мог адекватно воспринимать информацию, предназначенную не для посторонних ушей, он стал причастен к семейной тайне. Тайне, которую род пронес через сотни лет. В пятнадцать лет прошел первую ступень посвящения, что соответствовало возможности обоюдного общения с природой, растениями и животными. Многие в изменившейся жизни перестало быть сказкой. Слабенький волхв, разве что только способный разогнать тучи на небе или ускорить рост растения, на расстоянии ощутить смертоносное или животворящее место силы, продолжил учебу. Кто не знает, не сможет понять, каково оно, в советской стране быть отличным от других, а при этом, сжав все чувства и помыслы в кулак, притворяться рядовым гражданином. Но это лирика! К возрасту своего совершеннолетия Антон полностью «оперился». Как сказал его наставник и по совместительству родной дед, с неба звезд он не хватает, но в работу пустить годится. Да, годится. Все дело в том, что Волховиковы не просто «ведающие», коих от всех невзгод смогла сохранить земля русская, они составляют один из родов корректоров реальности. Проще сказать – прямые потомки Бусовых волхвов. А родов таких всего пять и осталось, Ночь Сварога взяла свою скорбную жатву. Помимо многих своих обязанностей одну составляет пригляд за «перевертышами» – потомками семидесяти ярых бойцов князя Белояра. Те бояре все как один полегли на бранном поле в незапамятные времена, получив от Буса Белояра необычный дар. Пригляд по традиции осуществляют самые молодые мужчины в роду. Весной в армию, а посему патриарх рода, дед Василий, отправил молодого проехаться по своим подопечным. Проехался на свою голову!

На первый взгляд люди как люди. Советские люди. Живут обычной жизнью. Трудятся, детей рожают, растят их, от других не отстают, но и вперед не высовываются. Антон уж и домой возвращаться вознамерился, на колеса своего «железного коня» намотал не меньше четырех тысяч километров. Да только в последнем месте своей «командировки» «организм» неладное просемафорил. Биологические настройки словно взбесились, даже голова заболела. У Каретниковых кто-то захворал, что ли? Чем ближе он приближался к их дому, тем сильнее это ощущалось. Это почему так?

Решил не соваться нахрапом, понаблюдать со стороны. Когда увидел, как машина «Скорой медицинской помощи» увозит от искомых ворот пациента, собрался наведаться к подопечным. Тем более старик Каретников знает о миссии ведающих все, что «боярину» положено знать.

Только лишь в сумерках «отлепился» от соседнего забора, осуществляя реализацию своих намерений, как ощутил движение «маркера настройки». Молодой парнишка быстрым шагом покинул место проживания подопечной семьи. Догнать, спросить? За таким не утонишься. Проще пока понаблюдать.

«Ява» завелась с полтыка. Вырулив, не форсируя скорость, сопровождал пацана. Мог бы и не поддерживать визуальный контакт, односторонняя биологическая связь между ними работала вполне нормально. Перевертыш под полным контролем. В пятистах метрах от освещенной громады кинотеатра парнишку подобрала легковая машина. «Жигуль», сорвавшись с места, ходко соскочил с асфальта и, огибая пустырь, рванул к далеким двухэтажкам, по темным стенам которых можно было понять, что они нежилые. «Ява», плюхая по лужам, резиной колес разбрызгивая в стороны потоки грязи, понеслась следом.

С подопечным он был связан невидимой энергетической пуповиной и момент нападения ощутил в полной мере. Потому как совсем неподалеку ошивался, большую часть «удара» принял на себя. Само нападение на «опекаемого» провели столь неожиданно, что перед глазами

все померкло и в какую-то долю секунды с мотоцикла он сверзся в мокрую траву. Нет! Все-таки прав дед! Звезд с неба он не хватает.

Запустил систему восстановления биополя, тем самым помогая восстановиться и парню. Какой отравой его стреножили? На банальную наркотику похоже.

Медленно, неохотно, но отпускало. Еще хорошо, что людей поблизости никого, оно и понятно, ночь свое берет. Кому охота без большой надобности через «медвежий угол» ходить? Запросто на неприятность нарваться можно. Указом Леонида Ильича в Донбасс сорок тысяч уголовного люда по амнистии выпустили.

Отлежался. Полегчало. Пора парня выручать.

...Успел вовремя. Добрый у деда посох, ведь уезжая бессовестно, по-тихому «позаимствовал» артефакт, а он так реально пригодился. Когда им мужика по лбу треснул, не думал, что дерево выдержит. Подопечного освободил, захватчика связал, вот тут и пошли непонятки. Казалось, парнишка еще совсем молоденький, должен крови бояться, а он шею взрослому мужчине свернул, как цыпленку, и не поморщился. Да и потом повел себя так, что можно было усомниться в адекватности поведения. Когда подъехали к воротам уже знакомого двора, пригласил в дом. А что? Ночевать-то где-то нужно. Почему не погостить, раз приглашают?

Вкатив мотоцикл во двор, в дом пробирались, как в тыл врага, стараясь никого не потревожить. Куда там? Оба попали пред ясные очи деда и бабки. Антон грязный, как черт из варочного цеха, Михаил побитый, как пес подзаборный. Во многих местах в запекшейся крови и синяках на теле. Охи и причитания бабули пресек дед, указав положенное место встречающей хозяйке.

– Живы! Чего тебе еще нужно? А синяки сойдут, и следов не останется.

– Ну, как же...

– Бабуль, это мы с мотоцикла на вернулись.

Дед из-под седых бровей сверкнул хитрым взглядом. Распорядился:

– Живо мыться! А ты, старая, стол накрой, а опосля постирушкой озаботься, чтоб гость завтра в свою чистую и сухую одежду влезть смог.

– Дедунь, поздно уже. Нам бы...

– Живо... и за стол.

...Утром проснувшись, после сытного бабулиного завтрака расположились в комнате Михаила. На учебу Каретников не пошел. Мать еще ночью отзвонилась, сообщив о том, что отцу вырезали аппендицит, что все у него хорошо, и прямо из больницы отправилась на работу, так что возмущаться и подгонять было некому. Дед бочком просунулся в комнату и со словами:

– Я тут в стороночке посижу, мешать не буду, – прикинулся ветошью, перестал отсвечивать. А что? От старого тайн у Михаила почти нет.

Было видно, что Антону не терпится поговорить. Ну, давай, задавай вопросы! Юный корректор не заставил себя ждать.

– А я ведь думал, что ты еще... ну, не это...

– Ага! По первому кругу чалюсь!

– Да. Понимаешь, у каждого своя стезя. Я при большом желании могу оказаться в прошлом. Могу подкорректировать настоящее, только не подумай... Это не колдовством делается. Мы не колдуны какие!..

– Да я и не думаю.

– ...Вот! Правда, пока этого еще не делал. Только будущее для нас табу. Пройти туда невозможно. Среди нас только «вещие» про него знают, но редко когда говорят о нем... Расскажи о себе, о том, что будет.

– А что про него говорить? Ничего там хорошего нет.

– Как это?

От услышанной реплики парняга прямо опешил. Дед заерзал на кресле, сидя у книжного стеллажа. Видать, и ему интересно. Х-хе! Ну, почему бы и не потешить людей, коль есть такое желание.

– Ладно. Только говорить буду о том, что наблюдал «со своей колокольни». То есть как сам для себя понимаю.

– А нам, Мишаня, по-книжному и не надо, – согласился с ним дед.

Это он там так тихо сидит и не мешает, старый плут. Дай палец, по локоть отгрызет. Так! С чего ж начать-то?

– Значит, была огромная, крепкая и сильная страна, Советский Союз. Я за эту страну еще повоевать успел.

– Афганистан? – с любопытством подал голос Антон.

– Не только. Так вот. Правители наши верховные все как на подбор старые маразма-тики... гм... кроме, пожалуй, одного, да и того не уберегли, под пулю подвести умудрились... Так вот эти самые пердуны престарелые за здорово живешь нашу страну отдали в руки предателю, тайно на врагов работающему. Ну и понеслась... гм, душа по кочкам! Рассыпалась страна, как картонный домик...

Копившийся в душе негатив девяностых годов Каретников выплеснул на своих любопытствующих собеседников. Вспомнил все, что пережил вместе со страной. Тут тебе и реформы, и бандитизм на просторах «великой и неделимой», и помощники из-за океана, и свои домо-рощенные либерасты. Запущенные поля колхозов, дележку госпредприятий описал в красках. Подытожил:

– ...Коренное население на положении людей третьего сорта, чужая культура и чужое образование, чужие песни и нравы, чужие законы и праздники, чужие голоса в средствах информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и поселков – все почти чужое, и если что позволяется свое, то в скудных нормах оккупационного режима.

– А коммунисты куда смотрели?

Снова не выдержал дед. Два раза пройти Отечественную войну, не за хлебушком в магазин смотаться. И в самых критических моментах клич «Коммунисты, вперед!» для старика не пустой звук. Скривив рот в ухмылке, объяснил, чем заставил деда съежиться, по-стариковски опустить плечи:

– Коммунисты? Не было коммунистов. Народ будто спятил, партбилеты выбрасывал, рвал, жег. Думал вот, свобода наступила...

– Ты жил во время безвластия, – подвел итог Антон.

Каретников скрипнул зубами. Сейчас глядя на него со стороны, любой мог бы ужаснуться, заметив на мальчишеском лице, на котором только формировались черты мужчины, – хищное выражение. Оно проявилось прямо с каким-то животным оскалом. Снова объяснял неверующим, слова как монеты чеканил. Про родовые кланы чиновников, олигархов с привязкой на Запад, марионеток в парламенте. Дойдет ли?

Дошло.

– Почему рабочий люд не бунтует?

– Дед, ну ты как с Луны свалился! Потому что не дожали до такой степени, чтобы бунтовали. Кроме того, изрядная доля населения страны и по собственному опыту, и на основе исторической памяти понимает, что какое ни на есть государственное управление лучше, чем когда его вовсе нет. Война всех против всех нормальным людям приносит одни убытки.

Антон подал голос:

– Если хоть половина правды в твоих словах есть, то дальше и жить не хочется. Может, на Советский Союз сначала напал враг, разгромил его, а ты об этом ни слова не сказал?..

В ответ лишь улыбнулся.

– ...И когда же это все началось?.. Ну, в смысле, самое начало развала?

– Умные люди говорят, что ноги растут из вот этого самого времени. А вот теперь у меня вопрос. Где были все это время твои корректоры?

Антон смутился. Работа мысли отразилась на его лице. С серьезной миной на фейсе, официальным голосом «разродился»:

– Нам запрещено вмешиваться в события, происходящие в реальности. Каждый народ достоин именно того правителя, которого взрастил.

– Короче, все опять пойдет по накатанной плоскости, хоть трень-трава не расти!

– Если не придет враг извне!.. Я уже малость изучил тебя. Миша, хочу предостеречь. Тебе нельзя будет особо менять реальность, своими действиями и знаниями будущего нарушать действительность.

– А то что?

– Дед говорил, бывали случаи, когда особо шустрых, наверное, таких как ты, в семнадцатом и последующие годы изымали из привычной среды и...

– Понимаю. «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит!»

– Зачем? Их «переправляли» в иную реальность или в другое время. Отправляли туда, где они могли принести Руси наиболее существенную пользу.

– Ага! С глаз долой, из сердца вон!

– Как-то так. То, что мы с тобой сделали вчера, сразу скажу, не будет приветствоваться там... – большим пальцем указал куда-то за спину, видно имея в виду «общество старших товарищей». – Получается, грубейшим образом изменили ход реальности.

– Ну, конечно! Я и забыл, что этот упырь должен был успеть еще сорок душ к Богу отправить, прежде чем его за жопу возьмут. Да и меня заодно с ними.

– Не передергивай! Ты человеку шею походя свернул. Получается, такой же негодяй, как и он, а я, выходит, твой подельник. Зачем было убивать?

– Извини. Меня учили не оставлять за спиной живых врагов.

– Кто учил?

– Армия.

Идиллию беседы прервала появившаяся мать, решившая во время обеда почтить своим вниманием семейство. Прямо с порога наехала на сына и свекра. Оказывается, ей позвонили из школы, с вопросом, почему ее чадушко пропустило занятия. Дед шустро свинтил в тину. Мол, я не я и хата не моя! Растворился «на просторах двора», только его и видели. Антон засобирился и, скомканно попрощавшись: «Скоро увидимся»... смог «без потерь» улизнуть из поля зрения «грозных очей» хозяйки семейства. Каретников, услышав звук отъезжавшего мотоцикла, отчетливо осознал, что «разбор полетов» предстоит держать в одиночку.

Глава седьмая. Или не берись, или доводи до конца

– Hallo, Michael. Aus irgendeinem Grund scheint es mir, dass du in den letzten zwei Wochen in der Schule studiert hast. Hast du was?³

Вот чертова кукла, опять подкралась незаметно. Прямо полевой разведчик какой-то, а не училка. И ведь момент выбирает...

– Guten Tag, Henry Karlovna. Ich habe alles in Ordnung⁴.

– Seltsam, aber die Lehrer beschwerten sich. Sie sagen, Sie sitzen in den Lektionen, leer vzgla – Haus Fliegen fangen⁵.

Вот уж не думал, что все так плохо. То, что Добрикова последнее время на него, как на блаженного смотрит, за душу не брало, а вот учителя... это серьезно. Ему из общей массы выделяться не нужно.

– Zu Ihnen auf einer Position ist es notwendig, uns unter dem Mikroskop zu schauen. Ich hoffe, Sie halten mich nicht für preiswert?⁶

– Ха-ха, ха-ха! Wie es ist, hast du einen Vergleich gemacht. Beruhige dich. Besonders nach dem Gegenstand mir dich, etwas und nichts zu lehren. Lange свыклась mit dem Gedanken, dass dein gesprochenes, besser von meiner Universität. Und dennoch empfehle ich werden eng an den Menschen⁷.

– Danke, ich werde versuchen⁸.

– Ich habe vergessen, dass im März wir auf den Olympischen spielen auf Fremdsprachen gehen?⁹

– Beleidigt, Henry Karlovna! Ich bin wie ein Pionier, immer bereit¹⁰.

– Tut mir Leid. Komm, Klingel zum Unterricht gegeben¹¹.

– Vorschauen, meine Geliebte Lehrerin!¹²

«Ходячая катастрофа» умиленно помахала указательным пальцем. Ф-фух! Легко отделался, но она права, статус-кво в школе восстанавливать придется. Пацан! На первом препятствии «крышу снесло»! Сколько их, этих препятствий впереди будет.

Обычно на уроках обществоведения Каретников скучал, но чтоб не подставлять учительницу этого предмета, оставался в образе школьника, читающего советскую прессу. Светиться своими знаниями, проверенными на собственном опыте и опробованными на собственной шкуре, он не собирался. В классе у них народ подобрался еще тот! Все как по выступлениям ныне здравствующего Аркадия Райкина. Разве что, кроме Шпики, ну и еще троих одноклассников, все дети, родители которых к рабочим профессиям имели отношение опосредованное. Товаровед, завмаг, директор, начальник чего-то там, ну и им подобные.

³ – Здравствуй, Михаил. Почему-то мне кажется, что последние две недели ты совсем запустил учебу в школе. У тебя что-то случилось? (нем.)

⁴ – Добрый день, Генриетта Карловна. У меня все прекрасно.

⁵ – Странно, а вот учителя жалуются. Говорят, сидишь на уроках, пустым взглядом мух ловишь.

⁶ – Им по должности положено нас под микроскопом разглядывать. Вы-то, надеюсь, меня за недоросля не держите?

⁷ – Ха-ха! Как это ты метко сравнение провел. Успокойся, не держу. Тем более по своему предмету мне тебя учить-то и нечему. Давно свыклась с мыслью, что твой разговорный лучше моего университетского. И все же рекомендую быть повнимательней к людям.

⁸ – Спасибо, я постараюсь.

⁹ – Не забыл, что в марте мы с тобой на олимпиаду по иностранным языкам едем?

¹⁰ – Обижаете, Генриетта Карловна! Я как пионер, всегда готов.

¹¹ – Извини, что оторвала от мыслей. Иди, звонок на урок дали.

¹² – До свидания, моя любимая учительница!

Когда в классе вдруг создалась «рабочая» пауза, мелкая ехидна, Наташка Кузовлева, с места задала учительнице провокационный вопрос. Поганка такая!

– Ирина Маликовна, вот мы живем в стране развитого социализма, объясните тогда, отчего, когда наши туристы выезжают за границу, то они стараются все там купить?

Малолетние гаденыши! Понимают, что поставили женщину в неловкое положение. Сидят, молчат, ухмыляются. Всем и так ясно, что в стране шаром покати! Это в столицах, да у них в Донбассе, особое обеспечение в магазинах. С теми же шахтерами не забалуешь! И все равно импортные шмотки, гарнитуры и прочую дребедень только из-под полы да по блату достать можно. А уж на зарплату учителя особо не разгуляешься.

Преподаватель от вопроса в ступор впала, лицо красными пятнами пошло. Того и гляди от волнения сейчас кондрашка хватит. Пора выручать бабенку. Поднял руку, не дожидаясь разрешения, встал из-за парты.

– Ирина Маликовна, можно объяснить коллеге?

– Д-да, – пролепетала учительница.

Эх, молодая! Опыта совсем нет. Попробуй справишься с такими оторвами, да еще если за спиной богатенькие родители маячат. Повернулся к «любопытной» стервочке, объяснил:

– Понимаешь, Наташенька, советский рубль имеет высокую покупательную способность. Помнится, не так давно твоя маменька по турпутевке в Югославию ездила. Так вот, если ты знаешь, им на таможне за границу всего лишь тридцать рублей разрешили провезти. Так ведь, дорогая моя?

– Я тебе не дорогая! И не твоя! – прошипела гадюкой.

Видно было, что перевод стрелок непосредственно на ее фамилию девочке очень не понравился.

– Ну, все равно. Так вот, прибарахлиться на эти тридцать рублей советская туристка смогла по полной программе. Я тут краем уха слышал, что и тебя подарками не обделили.

По классу прошелся шепоток, а в дальнем углу даже похихикал кто-то. Обернулся к учительнице, уже вполне пришедшей в себя. Поймал благодарный взгляд женских глаз.

– Можно сесть?

– Да, пожалуйста.

Прозвеневший звонок на перемену совсем разрядил атмосферу в классе.

– Каретникову за работу в классе пять. Остальные, запишите задание на дом...

Медленно сложив учебник и школьные принадлежности в «мыльницу», последним покинул кабинет. Тут же в коридоре нарвался на ожидавшую Наташку. Бледное злое лицо источало негодование, чуть ли не нервный срыв. Не говорила, а скорей шипела, не обращая внимания на шум, создаваемый детворой вокруг них.

– Каретников, я тебе все припомню, при первой же возможности отомщу. Знай это!

Вот же глупая пигалица. Самая мелкая в классе, а яда на трех гадюк хватит. И ведь что характерно, такие люди обиду всю жизнь помнят. По прошлой жизни он с ней толком никогда и не общался, путалась под ногами, язвила понемногу, но так, как сейчас, точно друг на друга не наезжали. Шалишь! Последнее слово за ним. Предположительно сделал умильную морду, ласковым голосом чуть ли не промурлыкал:

– Золотце, если ты еще хоть раз попытаешься выставить Ирку в таком свете, как сегодня, я даже случая ждать не буду, ослаблю на всю школу. Поверь, повод найду, а не найду, так подведу к поводу, и свидетели отыщутся. Не нужно становиться моим врагом, хлопотно это.

Отвернувшись, спокойным шагом пошел в сторону лестницы. Последним уроком была НВП, которую преподавал старший лейтенант Дынин Иван Степанович. «Старый перец», вечно ходивший в общевойсковой форме с планками наград на груди, красивший волосы в радикально черный цвет, но по причине морщин моложе от этого не выглядевший. В юном возрасте на такого человека обращаешь мало внимания, воспринимаешь как должное. Есть,

ну и есть человек! Лишь через много лет Михаил узнает, что Дынин на войне был геройским парнем, войсковым разведчиком, кавалером двух орденов Славы, а войну он в Праге закончил. Только узнал он это, когда самого военрука уже в живых не было.

На его уроках ученики не только учились военному делу, но и знакомились с тупым армейским юмором. Любимая его поговорка, когда он класс строил в одну шеренгу, была: «Вы должны видеть грудь четвертого человека! Да-а, у нее же груди нет!» Хотя дядька он был вообще-то не злой.

Возле класса НВП был стендик «Никто не забыт, ничто не забыто», камешки насыпаны и стояла наполовину отпиленная гильза от пушки. Шутники его так «любили», что частенько он вынужден был уносить эту гильзу домой в своем портфеле.

Когда Дынин вызывал к доске девчонок, на столе у него лежал учебник, и те безбожно считывали по нему ответ, а он еще и страницы переворачивал. А вот к парням отношение было другим. Считал, что мужчина обязан знать предмет, как «Отче наш...», ему ведь после школы в армии служить точно предстоит. Никаких скидок. Ты должен! Ты можешь!

Когда Каретников подошел к классу в самом торце третьего этажа, напоролся на общую нервозность «боевых» товарищей. Ухватив под руку Игорька Самарина, поинтересовался:

– Что за кипиш?

– Степаныча неожиданно гороно проверить решило, комиссия из трех человек приперлась. Открытый урок будет. Наши кумушки уже все обсосали. Говорят, настучал кто-то, как он уроки проводит. Если что не так, турнут военрука.

– Час от часу не легче.

– Во-во! И я о том же.

Взгляд снова упал на волновавшуюся толпу одноклассников. Им ведь тоже несладко! Если плохо все пройдет, мало того что сам класс ославят. Мол, олигофрены, не могут двух слов связать! Так еще и родители... А год этот по учебе выпускной.

Э-хе-хе! Ну, что за жизнь пошла? Ведь не нужно светиться! Совсем не нужно. Серой мышкой доковылять до цели, а там уж... Но что делать? Нужно выручать Степаныча. Кто знает, какие указания получила комиссия на его счет? Времена разные, а люди все те же! Придется...

– Кла-асс, стройся! – напрягая голос и добавляя в него нотку металла, подал команду Каретников.

Подчинились. Да и куда бы они делись?.. Строй стоял. Минута прошла. Говорил не громко, но четко, прекрасно зная, кто на что способен. Успел до открытого урока распределить пофамильно, кто будет отвечать на его вопросы, а остальным всем велел, как только он вызовет желающих, тянуть руки вверх.

– Всем всё ясно?

Две минуты осталось. Наглость – второе счастье! Открыл дверь в кабинет, просунул голову внутрь.

– Извините! Иван Степанович, можно вас на минуточку!

Старый учитель вышел, сразу заметив, что класс стоит по стойке «смирно».

– Что хотел? Только быстро!

Встал грудь в грудь с преподам, напористо и убежденно зашептал:

– Иван Степаныч, народ все знает. Мы на вашей стороне и мы вас хотим «вытащить» из этой передраги. Ваша задача объявить комиссии, что я назначен провести урок, мол, вы так со всеми практикуете. Поверьте, все будет сделано в лучшем виде.

– А сможешь?

– Не сомневайтесь.

Взгляд военрука смурной, затравленный. Небось на фронте не так боязно было? Там враг, которого можно убить. А здесь комиссия, это вот она как раз под цугундер подвести может. Растопчет и мимо пройдет, «не заметив потери бойца»! Степаныч кивнул.

– Добро!

– Работаем!

Комиссия вместе с Дыниным высыпала из класса в коридор, маленькой гурьбой остановилась перед застывшим строем учеников десятого «В» класса. Наверное, кроме Каретникова и самого Дынина, никто из собравшихся в полной мере не понимал, какая ответственность легла на плечи этих двоих. Пойдет что-то не так, и «пишите письма», простым порицанием не отделаешься. Видно, что народ мандражирует, но все равно воспринимает происходящее как небывалое раньше развлечение.

– Равняйся! Смирно! Равнение на... право!

Четко повернулся. Три строевых шага к препода и доклад.

– Товарищ старший лейтенант, десятый «В» класс для проведения урока по начальной военной подготовке построен. Тема занятий... – Микроскопическая пауза, на глоток воздуха. – Устройство и принцип действия пускового механизма АКМ. По списочному составу класса отсутствующих нет. Ответственный за проведение занятия Каретников.

«Комиссары», двое дядек и тетка, придиричливо «фильтровали базар», но было видно, что грамотность начала занятия их впечатлила. У доложившего не видно волнения и, похоже, ни грамма сомнения в своем поведении. Лишь отвлеклись на стук каблучков в пустом коридоре. Михаил даже бровью не повел, не обернулся. К строю, запыхавшись, просеменила Татьяна Петровна, завуч школы.

– Иван Степанович, товарищи, я поприсутствую на уроке, если не возражаете?

Старлей кивнул, при этом дал команду:

– Вольно! Приступить к занятиям!

Дальше уже Михаил повел партию оболванивания прибывших на проверку.

– Слева, в колонну по одному зайти в класс! Рассаживаться по рабочим местам.

Урок начался.

О-о! Что это было!.. Народ «работал» как проклятый! На любой вопрос руки тянул похлеще большевиков на митингах в далекую пору Октябрьской революции. Практика тоже не подкачала. Разборка двух наличествующих автоматов, а потом и их сборка проходила успешно, вызывая неподдельную зависть прибывших алгоритмом занятия. Иван Степанович не вмешивался в сам процесс вовсе, но «цвел», как полевой цветок. Завуч, переволновавшись, но осознав, что гроза, похоже, минула их школу, сидела спокойная и отрешенная на «галерке» у окна.

К концу занятия народ раздухарился, готов был горы свернуть. Оно и понятно, общий порыв рабочих масс способен на многое. Всю малину попытался испортить один из проверяющих. «Колобок» среднего возраста и среднего роста, сильно потеющий от работы батарей, легкой духоты в классе и особенностей организма, поднявшись с задней парты, носовым платком вытерев лоб, изрек Каретникову свое пожелание:

– Молодой человек, к вам как руководителю сегодняшнего занятия вопросов нет, надо признать, работали правильно. А вот, если Иван Степанович будет не против... – сделал полоборота корпуса в сторону старлея, – ...то мы, то есть комиссия, погоняем непосредственно вас самого по данной теме. А то знаете, бывает...

– Не против! – встретившись взглядом с глазами своего ученика, согласился военрук.

– Так вот...

– Прошу прощения, – Михаил сам атаковал комиссара. – У меня к вам встречное предложение.

Колобок первый раз за весь урок хоть чему-то удивился. Надо же, детки пошли, ничего и никого не боятся, и... не уважают. Сколько этому парню лет, что так нагло, нахрапом берет за горло. Сдержался, спросил:

– Какое?

– До конца урока времени у нас мало осталось. Четыре минуты. Поэтому вопросы задавать, только время тратить. Давайте я по данной теме устрою быстрый обзор?

– Н-ну, давайте.

– Самарин, автоматы на стол преподавателя. Людмила, – обратился к Добриковой, – с шеи косынкуними и передай сюда. Спасибо. Итак, уважаемая аудитория, вашему вниманию представляется практический обзор устройства и возможностей АКа.

Встал к столу, накиннул платок на глаза, узлом завязал его на затылке. Поехали!

– Являясь индивидуальным оружием, автомат Калашникова предназначен для уничтожения живой силы и поражения огневых средств противника. Из автомата ведется автоматический или одиночный огонь. Автоматический является основным видом стрельбы из этого устройства. Ведется короткими, до пяти выстрелов, и длинными, до пятнадцати выстрелов, очередями и непрерывно...

Руки беспрестанно, как заведенные, умело производили разборку. Детали ложились в определенной последовательности в ряд. Закончив разбирать первый автомат, тут же принялся за другой, ошупью подхватив оружие.

– ...Для поражения противника в рукопашном бою к автомату присоединяется штык-нож. Для стрельбы и наблюдения в ночных условиях ночной стрелковый прицел. Автомат может быть использован в комплексе с подствольным гранатомётом ГП-25, «Костёр». Однозарядным, сорокамиллиметровым, предназначенным для уничтожения открытой живой силы...

Закончил и тут же принялся за сборку.

– ...Общее устройство. Автомат состоит из ствола со ствольной коробкой, прицельным приспособлением, прикладом и пистолетной рукояткой, крышки ствольной коробки, затворной рамы с газовым поршнем, затвора, возвратного механизма, газовой трубки со ствольной накладкой, ударно-спускового механизма, цевья, магазина...

Собрал оба автомата, с глаз сдернул косынку. Глядя в глаза «комиссара», как ни в чем не бывало продолжил пояснение:

– ...Кроме того, у автомата имеется дульный тормоз-компенсатор и штык-нож. В комплект также входят принадлежность, ремень и сумка для магазинов.

Звонок с урока подвел черту под невольным представлением. Без перехода от темы занятия подал команду:

– Класс, встать! Урок закончен, цели занятия достигнуты, замечаний нет. Спасибо за работу в процессе рассмотрения материала, оценки выставит Иван Степанович. Свободны!..

Готовых сорваться с места и покинуть кабинет великовозрастных детишек остановил громкий голос завуча.

– Десятый «В»! Десятый «В»! Всем задержаться! – глазами нашла комсомольского вожака класса. – Евченко! Галина! А ну, придержи своих комсомольцев!

Никакого строя и в помине нет. НВП кончилось. Гудящая растревоженным ульем толпа ребят образовалась в проходе коридора, у окна с широким подоконником.

– Сегодня организован школьный субботник! – стараясь перекрыть шум, заявила Татьяна Петровна.

– Так ведь не суббота!..

– А снег не спрашивает день недели!

Вчера в городе пошел снег и к утру не растаял, только добавился. В очередной раз снегопад в декабре был воспринят городскими властями как стихийное бедствие. Те, кому доводится ранним утром бывать на улицах, не могут не заметить большого количества разнообразных машин, выходящих на борьбу со стихией. Выстроившись уступами, одна за другой, идут снегоуборочные машины, стальными плугами сдвигая снег, подметая путь вращающимися щётками. Десятки пескоразбрасывателей вслед за машинами посыпают дорогу. Про снег в частном секторе городские структуры вообще забывают. Ну, а школа, она как бы тоже сама

по себе, вот и приходится завучу изгаляться с уборкой огромного школьного двора. В результате приказа начальства Каретникову пришлось помахать лопатой, расчищая школьный плац и кучу дорожек. Хоть и одет легко, но взопрел. Когда домой добрался, с волчьим аппетитом наварнул бабьин борща, котлету с толченой картошкой. Запив обед компотом, сытно отвалился в кресле. Вошедший в комнату дед, перед этим занимавшийся расчисткой двора, хитро усмехнулся в усы.

– Надо так понимать, в спортзал не пойдешь?

– Нет. Пойду в другое место.

– Куда, если не секрет?

– Секрет, дед. Секрет!

– Ну-ну!

Уже одевшись, стоя в прихожей, обернулся на голос бабушки.

– В город уходишь?

– Да.

– Будешь возвращаться, в магазин заскочи, чтоб деда не посылать.

– Что купить?

– Хлеб, молоко, сметану, ну и масло сливочное. Деньги дать?

– Есть.

...Зимний день короток. Посветлу успел добраться до конечной остановки. Вместе с немногочисленными пассажирами покинув салон, встал столбом и с возвышенности смотрел на далекие маковки церковных куполов, красным золотом сиявших в лучах зимнего заходящего солнца. Все-таки умели раньше строить. Строителей давно и на свете нет, а красота, созданная их руками, осталась. Храм – это ведь не только архитектурный памятник, но еще и область Божественного присутствия. Святыня для русского человека. Нынешние этого не понимают, вытравили из них многие понятия, но среди тех, кто воевал, прошел через кровь, грязь, безысходность – атеистов нет. Они прекрасно знают, что ОН существует.

Храм, со всех сторон окруженный балками, рощами и родниками, как и сам поселок, расположился рядом с городской чертой в довольно живописном месте на берегу речки Камышевки. Сразу от остановки, прямо по полю к нему вела протоптанная тропа, ступив на которую, Михаил быстро пошел в направлении пяти куполов сооружения, выкрашенного в белоголубые тона. Догнав, пристроился к веренице женщин, скорей всего нацелившихся туда же, куда и он.

Шли ходко, громко выдыхая клубы пара изо рта. Если ветер как-то сдувал часть снежного «полотна» с открытого места, то поселок утопал в снегу, в легких сумерках отбеливавшему тени домов, заборов и деревьев. Поскрипывавший на морозе снег предательски выдавал приближение чужаков. С подворий залаяли собаки, готовые по цепочке принять пришлых, оповещающая хозяев о неусыпном несении своей нелегкой службы в такое время года.

Войдя на храмовый двор, встав на паперти напротив железной, двустворчатой двери, перекрестился на икону над дверью. Как и в прошлой жизни, с большим напрягом сделал поклон. Вспомнил, так с ним всегда! Поклониться – проблема, пообщаться с батюшкой – запросто, только если разговор не касался самой веры. Для Каретникова отношение к вере особенное. С одной стороны, он православный христианин, с другой – натуральный язычник. Всегда, как всякий славянин, считал себя прапрапра – сыном божьим, имея в виду родных богов, а не рабом Божьим был – по новой вере, завезенной из Византии. Короче, грешник он большой. Но какой уж есть. Вот сейчас возникла потребность пообщаться с НИМ, явился в храм. А общение это Михаил предпочитает вести без посредников.

Вошел внутрь. Достоин, но без особого шика. Пол вымощен метлахской плиткой с узором, скорее всего община расстаралась. Нужно людей поддержать, сейчас время такое, что

люди редко заходят в такие места. Город вроде бы под боком, а прихожан на богослужение приходит раз-два и обчелся. Усопших отпевать попа в дом зовут. Если покрестить младенца, то только по-тихому, чтоб не дай боже партийное руководство не пронюхало. А ведь новое поколение «партейцев» и сами, шифруясь, иногда общаются с батюшкой. Все вроде бы шито-крыто, но в то же время на слуху. Но ничего не докажешь!

Сразу за притвором попал в руки двум старухам. Голову посетила мысль: «Сейчас начнется!» И точно! Пожилые, уставшие от жизни и проблем люди часто поучают молодых, потому как им «больно смотреть» на «косяки» молодежи, хочется поправить, подсказать, не всегда это получается сделать в мягкой форме, да многие и не хотят помочь, напротив – уязвить. Издержки возраста, характера и личных проблем. Подозрительно осмотрев Каретникова, более бойкая спросила:

– Зачем пришел?

Зачем? Дура или как? Зачем люди к Богу приходят? Да и тебе-то какая разница? Улыбнулся, молча, не провоцируя местный «персонал», бочком обошел обеих. Видел, как дернулась «ретивая», но вторая оказалась более умная, придержала рукой товарку, прошептала:

– Стой! Федоровна, он сам разберется.

Вот это правильно. Перекрестился три раза. В позвоночник будто кто лом вставил. Через силу произвел поклон. За спиной услышал напутствие:

– На солею не наступи!

Бдят бабки, неусыпный пригляд ведут.

Служба проходила при малом стечении народа, то бишь его было действительно не много. Десятка полтора людей обоего пола и преклонного возраста слушали проповедь приходского священника, поставленным голосом вещавшего с возвышения. Стена, называемая иконостасом, вся увешана иконами, а на золоте Царских врат бликовали отсветы от свечей. Ну, батюшке, да и всей остальной пастве он мешать точно не будет, шагнул в сторону церковной лавки.

– Здравствуйте.

Дородная тетка за прилавком, заставленным коробочками с разнокалиберными свечами, церковной литературой, крестиками и иконками, кивнула в ответ.

– И тебе не хворать!

Видно, что удивлена и толком не поймет, почему молодой парень оказался в столь неприличном месте. Молодежь в церкви – большая невидаль. Положил на прилавок «червонец».

– Продайте мне свечек.

– Сколько?

– Так! Божьей Матери поставлю, Спасителю, Георгию, Николаю, потом за упокой, за здоровье, ну и за то, что из беды выбраться получилось. Значит, семь штук. Да! Сдачу на церковь оставьте.

Во взгляде тетки уловил благожелательность. Десять рубликов по местным реалиям деньги немалые. Кивнула, выложив перед ним покупку. Улыбнувшись, подалась к нему, зашептала, спросила:

– Хоть знаешь, кто где?

– Разберусь.

Стараясь не особо привлекать внимание, заскользил по залу. Он только выглядит парнем, но церковный канон знает, все потому, что по службе изучить пришлось. Кто ж знал, где военную операцию проводить придется? Случай!.. Висевшее сверху на потолке паникадило – большой подсвечник со множеством свечей, сегодня не освещал храм, значит, поп проводит обычную рядовую проповедь, и никакого праздника в этот день нет. Направо от Царских врат икона Спасителя, налево – икона Божией Матери. Поставил свечи перед ними, отдал должное, теперь с шефом пообщаться можно.

Согласно преданию, святой защищает всех слабых и невинных. Был послан Иисусом на мольбы народа, освободить их от великой напасти. Люди просили избавить их от страшного жертвоприношения, в котором они должны были отдавать своих детей на съедение грозному змею, дабы задобрить его. И пришел Георгий, да и избавил их от данной участи, победив змея – сразив его копьем. Для военного человека святой олицетворяет образ небесного патрона. Защитника, покровителя и советчика в одном лице. После недавних событий Михаил чувствовал себя, прямо скажем, не в своей тарелке, будто простуда точила молодой организм. Уже даже когда под храмовую сень ступил, полегчало. Отлегло. Отпустило.

Поставил зажженную свечу перед ликом в серебряном окладе, постоял, вглядываясь в написанный образ, тихо, но внятно промолвил:

– Святой Георгий Победоносец, помнишь ли одного из воинов своих, заблудившегося на дороге времени? Я все тот же, русский солдат Михаил, готовый по первому призыву выступить на защиту Родины. Но и ты, покровитель воинства русского, защити меня от сплетен врагов и от козней дураков. В поле и на дороге, на работе и на пороге пусть враг не настигнет меня. Да будет воля твоя. Аминь.

Постоял. Прислушался к внутренним ощущениям... Благостно! По-иному не сказать.

– О всехвальный, святой великомученик и чудотворец Георгий! Не презри моления моего, но испроси у Христа Бога нашего тихое и богоугодное житие, здравие же душевное и телесное, и да не во зло обрати благое, даруемое нам тобою от Всещедрого Бога, но во славу святого имени Его и в прославление крепкого твоего заступления, да подаст Он стране нашей и всему боголюбивому воинству на супостатов одоление и да укрепит не прменяемым миром и благословением. Да оградит нас ангел ополчением, от козней лукавого и тяжких воздушных мытарств его, чтоб чести воинской не уронить, и не осужденным предстать в свое время Престолу Господа Славы. С именем Его, Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Общался и молился, вкладывая в это общение именно тот смысл, который определил для себя, того человека – ушедшего в небытие в далекой Сирии, в далеком две тысячи семнадцатом году, и того – кто сейчас стоял перед иконой небесного патрона русского воинства.

Душа успокоилась полностью, и даже то, что обе самые первые встретившие его бабульки словно шпионы прислушиваются, как он общается с шефом, совсем не раздражало. Перекрестившись на икону, действительно от души поклонился святому. Отступив назад, кивнув головой, подмигнул старушкам, в ответ услышал лишь концовку фразы пресловутой Федоровны:

– ...бу-бу-бу... прости Господи!

Ох, же и вредные бабки! Ну, да Бог им судья!..

* * *

Видно, что народ после окончания рабочего дня ринулся по магазинам. Еще какой-то час и городские улицы опустеют. Кому охота по темноте при поземке на ветру прогуливаться? Каждый норовит побыстрее в тепло родной квартиры попасть, к телевизору, детям, к законной половине, к книге, в конце концов. А что? У нас самая читающая в мире страна! Хорошую книгу в книжном магазине днем с огнем не найти, только по особому благу... А может, город-то и не совсем опустеет? Вряд ли молодежь даже по такой погоде на дискотеку не попрется!

В центре с троллейбуса пересаживался на трамвай, ему у рынка менять направление. Почему бы здесь не отовариться? Зато на проспекте напрямик сразу домой. Вот и гастроном перед самой остановкой. Заскочил, попав в коловорот покупателей. Нар-родищу-у-то! Думал, самый умный? В магазине несколько отделов, высокие стеклянные прилавки наполнены товаром. Н-да! Ему помимо хлеба и молока бабуля еще и масло со сметаной заказывала, а это весо-

вой товар. Э-хе-хе! Сначала выстоять очередь, взвесить товар, затем очередь к кассе, получишь чек, и снова в очередь в отдел. Ничего не напишешь, придется потратить уйму времени.

Пока выстаивал, покупатели помаленьку рассосались. В матерчатую сумку загрузил две бутылки молока, хлеб, развесное масло, по три рубля сорок копеек за килограмм. Сметану продавали на разлив из больших металлических бидонов, взял и ее в их тару. О! Культовый продукт – сгущенное молоко в жестяных консервных банках с бело-сине-голубыми этикетками. Помнится, раньше пил его прямо из банки, пробив две дырки консервным ножом. Не задумываясь, указал продавщице пальцем.

– Пару банок. А, и еще одну банку сгущенного кофе. Ага! Спасибо! Сколько с меня?..

Из освещенного фонарями проспекта попал в темноту боковых улиц. До частного сектора чапать и чапать! Темно, как у негра сами знаете где. Метет. Если б не белизна снежного покрова, так вообще стрёмно было бы передвигаться. По такой темноте можно запросто в канаву загнать. Не любил Каретников этого времени года, как, кстати, и осени. Это Саню Пушкина Болдинская осень вдохновляла, а ему, сирому и убогому, на военных дорогах Чечни и Дагестана пришлось полной мерой ощутить все прелести предгорий и гор. В одном месте грязи по колено, в другом снега по маковку, так ведь при этом при всем еще и поставленную задачу выполнять надо, и чтоб подчиненных не растерять, и чтоб вернуться домой все на своих ногах, и чтоб... Нет! Не любит он зиму.

Со стороны школьного парка послышался вскрик. Ухо уловило шум возни. Что там?

Времени терять не стал, с авоськой в руке диким кабаном ломанулся на шум, ставший совсем вялым и почти незаметным.

– Эй! Вы чего делаете, упырки?

Двое взрослых дядек, завалив в снег то ли девчонку, то ли женщину, уже успели освободить ее от пальто, сумки и теперь занимались тем, что снимали с ног сапожки, а с пальцев рук голдовые цапки. Нет, не изнасилование, обычный гоп-стоп. Мля! Амнистия брежневская во всей красе!

Урки, склонившиеся над жертвой, бросили шмотье. Как по команде разогнулись в пояснице. Оба было дернулись стрематься, но осознав, что перед ними всего лишь один человек, да и тот, если по голосу судить, парень молодой, хищно озираясь, шагнули к невольному свидетелю преступления. В морозном воздухе отчетливо прозвучал щелчок, его ни с чем не спутать. Отпущенная пружина выбросила клинок из рукоятки, и тот, отбившись из ложа, стал в стопор.

В темноте мало что углядишь. Два пятна человеческих очертаний совсем рядом.

– Слышь, корешок, это ты...

Ага! Чтоб не сбежал чего доброго, один из урок «болтанку» затеял, а то ведь догонять им не с руки. Время тратить! Каретников тоже не пальцем деланный, ему их догонять тоже не с руки. Поэтому, чтоб не сразу разобрались, кто есть ху, по рабоче-крестьянски пустил в ход сумку с молочными бутылками и банками сгущенки. Уклонились, конечно, а сама сумка, зазвеневав, упала куда-то в сугроб. Не молодняк – волки матерые! Но зато и успокоились сразу. Обычного терпилу занесла нелегкая в школьном парке оказаться...

Работаем! Куртка на нем легкая, движения не сковывает, брюки – клеш, тоже удобно двигаться. Повел чуть по кругу. Повелись. Пацан перед ними.

Один первым сунулся на контакт. Каретников рукой заслонился от летящего кулака, второй рукой с максимальной скоростью нанес ответный удар ребром ладони чуть ниже «адамова яблока». Эк он «скис»! Будто воздухом подавился. Сократил дистанцию до минимума, пока напарник страдальца не успел высунуться из-за спины подельника. Удар коленом в пах, и голова противника наклонилась вперед и вниз, а его подбородок переместился в удобную для атаки позицию. Дети, чес... слово! Удар основанием ладони снизу вверх согнутой рукой, вложив в него вес своего тела. Как эпилог работы, пальцами ударной руки поразил еще и глаза противника. Аут! Один в отключке. Отскочил назад.

– Ты это чего сделал, олень?

Со стороны лежащей в снегу женщины послышалась возня и еле различимый призыв о помощи:

– Помогите-е!

Из школьных окон второго этажа, там, где сторож оставил в коридоре включенные лампы светильников, рассеянный свет падал и на уличную сторону. Глаза привыкли к сумеречной «свето-тени места». Порядок, в себя пришла. Значит, только помяли, да чтоб не брыкалась, слегка вырубил.

Ах ты ж... Нож это серьезно. Пока не стоит менять дистанцию. Развернулся правым боком к противнику, контролируя любое его движение. Уклонился от пары махов клинка. Уловил момент, перенес вес тела на левую ногу и, слегка согнув колено, с силой выбросил правую ступню вправо, целясь в ногу противника чуть ниже его коленной чашечки. Ребром ботинка проелозил по его голени, от колена вниз до подъема ступни. Отскочил. Ушел чуть в сторону.

– Й-е-о-о!

Спросил, издеваясь:

– Больно?

– Да я тебя порву...

Подшагнул. «Ножницы» обеими руками, и нож-выкидушка улетел куда-то в снег. Верткий, гад! Обеими руками схватил спереди за горло, сдавил словно тисками. Никаких мыслей. Тело Каретникова работало, как автомат Калашникова, заученно и безотказно.левой рукой захватил снизу правый локоть противника. Правую руку перебросил через его же грабки и схватил ею за запястье правой. Правой надавил на его левую руку по направлению вниз, одновременно круговым движением вверх левой руки вывернул ему локоть. Все действия слились в одно быстрое непрерывное движение.

Захват урки ощутимо ослаб, мало того, он потерял равновесие. Михаил правой рукой надавил на его левую по направлению вниз, одновременно круговым движением вверх левой руки вывернул ему локоть. Освободившись, уже сам удерживая противника двумя руками, резко повернулся вправо, одновременно отводя ногу назад. Комбинацию завершил ударом ребром ладони по его локтю. Хруст, будто сухую ветку сломал.

Вскрик. Человек, теряя сознание от боли, валится на очищенную от снега широкую дорожку перед окнами школы. Еще в боевом трансе Михаил произвел добивающий удар лежащего, кулаком ломая ему челюсть. Но это было уже лишним.

Обернулся. Женщина поднялась. Судя по контурам фигуры, без верхней одежды, молодая. Плачет, отсюда хорошо слышно. Бросился к ней. Обнял, всю дрожащую от холода и пережитого страха, всхлипывающую. Успокаивая, прижал к груди.

– Ну, все, все! Уже никто тебя не обидит! Не плачь. Одеваться давай, а то совсем задубела! Сейчас помогу.

Разыскал в снежной перине второй сапог, отброшенный туда одним из нападавших, вытряхнув из него снег, помог обуться. Пальто сам застегнул на все пуговицы, заметив, что пальцы не слушаются их обладательницу. Шапку на голову. Взяв кисти рук в ладони, стал отогревать, выдыхая на них тепло своего дыхания, в ответ услышал стон, будто поскуливал потерявшийся щенок.

– Глупыш! Что тебя занесло к школе в такой-то час?

Темновато. Только вопрос задал, и тут же пришло осознание того, что до боли знакомый запах духов достучался до его обоняния.

– Ольга?

– Да.

– Гм! Простите, Ольга Евгеньевна! Не признал сразу.

– Кто вы?

– Каретников.

– Миша?

– Да.

– В школе задержалась. Дела.

– Понятно. Я вас до дома провожу.

– Поздно уже. Тебя, наверное, дома ожидают. Сама доберусь.

– Ага! Шаз! Провожу, потом домой пойду. Да вы не волнуйтесь, мои ко всему привыкли.

Довел до самой двери квартиры. Нехило живет учитель истории. Центр города. В элитном доме, с теплым подъездом...

– Ну, вот и добрались.

– Миша, спасибо тебе...

– Бывает! Только, Ольга Евгеньевна, вы уж про меня никому. Ладно?

Даже после случившегося потрясения выглядела обворожительно. А пахло от нее... любимой женщиной. Точно, именно так. Крышу сносило! Пора линять.

– Может, зайдешь, кофе попьем? С мужем познакомлю, если он с работы пришел.

Ну уж не-ет! На мороз! На холод! Вот уж действительно невезуха. Возраст. А спермотоксикоз организм изнутри точит. Сколько это у него уже женщины не было? Здесь считай четыре месяца, да там полгода. Ё-о! В СССР секса нет.

– Спасибо, но нет. Домой пора.

Но в малом себе не отказал. Наглец! Взял ее руку в свою, поднес к губам, поцеловал.

– До свидания.

До дому добрался без происшествий. Об инциденте и думать забыл. Знал, хоть и работал жестко, но два деклассированных неудачника замерзнуть не должны, а вот больничный бюллетень он им обеспечил.

– Хлеб, молоко купил? – спросила бабуля.

– Прости, забыл.

– Я так и думала, поэтому дед сходил.

– А наши где?

– Да ну их! Готовишь, готовишь, все думаешь, чтоб как у людей было, а эта вертихвостка, – это она про мать, – Витьку в охапку взяла и в гости потащила!

Повезло!

– ...а дед телевизор смотрит. Вот уж любитель сериалов выискался, от экрана не оторвать.

– Х-ха! Что хоть смотрит?

– Ерунду какую-то. И название дурацкое. «Клуб самоубийц».

– А что? Неплохой фильм про похождения принца Флоризеля.

Уставилась как на невидаль какую.

– Ты откуда знаешь? Его же раньше не показывали.

Спалился? Хрена лысого!

– Книгу читал. Ее Стивенсон в прошлом веке накалякал. Пойду уроки делать.

– Иди, милый. Иди.

Глава восьмая. Иду, куда несут ноги

Как говорит дед, время в жизни человека проходит не равномерно. У ребенка оно «тикает» по-своему, медленно и тягуче, даже кажется, что ему нет конца и края. Организм растет, мозг в черепной коробке растет, соответственно с каждым днем медленно, но уверенно происходит познание мира и процессов в мире. Дед считает, что так бывает до двадцати восьми лет. Почему именно до двадцати восьми? Спросил его об этом. Посмеялся, ответил, что это его субъективное мнение. Ну ладно. А потом? Потом время ускоряется, ускоряются и мировые процессы. Но это под конкретного человека работает, согласно возрасту. Теперь над такой теорией посмеялся Михаил. Ну а дальше? Дальше? Чем старше становится человек, тем время для него бежит быстрее. Вот для деда оно скачет галопом. Может, он в чем-то и прав, только для самого Каретникова декабрь промчался по дедовой теории, как для глубокого старика. Типа того, ложился спать вечером первого декабря, а утром проснулся, Новый год «на носу». На календаре двадцать девятое число. А все почему? Да потому, что дураком был, дураком и остался! После показательного урока НВП Каретникова взяли-таки в оборот. Заметили, понимаешь ли, лидера в его лице.

Новогодняя лихорадка в школе зародилась где-то числа пятого декабря. Завуч его лично вызвала к себе «на ковер». Долго полоскала мозги про линию партии в отношении встречи в школе «Нового года», а закончила, как всем уже набивший оскомину Огурцов из «Карнавальной ночи», с предложением, «Бабу-Ягу со стороны брать не будем. Воспитаем в своем коллективе!»

– Времени осталось мало, поэтому по средам и пятницам, часов в шесть вечера, когда уроки у второй смены закончатся, в комнате комитета комсомола будем собирать комсомольских активистов и готовиться к празднику «Ёлки». Елена Ивановна, воспитатель по внеклассной работе, вам будет помогать. Через нее же и связь всего с администрацией школы держать будете.

Спросил:

– Татьяна Петровна, ну почему я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.